

Мезорий или мезорин мезерауры XVIII века.

Была исполнена душевной землей; мягкая серьезность придавала ей возвышенность; чистое, правильное чув.ство, выверять ее тонкой любознательностью дала ей способную диллир все поэтические, научные и человеческие интересы Тезе, который, до злата моря знавший тонко здоровья и проветривать Бюргер, скиль двубушек, сразу подчинился ей обидливо. Мучил ее, шрафмейстерь двора, сухой и ограниченный человек, редко бывал дома, и жена полуго, балает полной свободой. Подода надъ знаменитый Тезе, который, къ зому же въ зрой моря своей жизни сталает однимъ тух красивымъ музичь на створь, не могла не мезурь ея самотовью; Тезе же уверовалъ, что эта женщина будеть иметь силь, кое и благоприятное влияние на развитие его гений. И въ близкой (повидитому не безучеловно) отношении продолжалась и муть и сопровождалась любознатель, кой перешедкой, которая въ лучшей стороне рековеть, дуеть поэра, несли предметъ его сражен. Собрали, лось множество писель и корозкиль замесочь, который оны къ ней тсалъ. Тамъ какъ будто разбросаны зредки зародышей прекраснейшихъ еудозворений. Она повелуду около него; она внал, къ мь завладела; неизрочно возобновляясь выражение его чувствъ, лирическое, лирическое, но не готелющаяся за образами, а всегда выбирающая самую крайя слова. Такъ фракцино, замъ ясно, угрожаемо, вкрадливо, но далеко не замъ смато и безъ ведной декламации писель Верреръ. Но здесь было доброе, тамъ былъ Верреръ. Бурный

любовника превратился в нежного друга и брата. Мы видим его деятельным, готовым помочь и ей, смело и смело поддерживающим своего подругу, выводящим ее из нужденной пучки и уводящим ее от любви ее вину, претянутого шизма. Удивительно видеть, как эгоизм не, обикновенный, гениальный, эксцентрично-настро-енный коноста сраковичей просветил, разумовичей мусель. Высоко религиозная сила его природы были подняты и усилены 2-мю Штейном. Она сдвинула его спокойствие и уверенность. Она охла-дила его гордую кровь. Она называет тезозой ту всецело вынужденную шизму, которая в нем проседает и укрепляется, и она думает, что при-ближается к безразличной мудрости Спикозы. Она удаляется от своего. Она озвучивает в своем дневни-ке, записку и предчувствие мудрости. „Связь судь-бы“, которую она, „дай мне теперь связанным и сосре-доточенным наслаждаться тезозой“. Туда отдался чужбину со всеми пылом своей природы и времени, мы сильно срадаем; фрау фон Штейн всегда сдерживалась и разжигалась, и дала нам возможность к нему только тогда, когда она, невольный неразделенной сраезию, извлекла наивысшее наслаждение другого увлечения. За то фрау Штейн на-правляла его гениальной работы, слушала ему ре-гулярно, сосредоточивала его на его планах, мычала ему разбрасываться в разных сторонах. За свое кокетство она наказана тем, что лучшие женские души, или созданные, больше подходят к двубичкам, которыми она знает и любить

на него просиде какъ на врага, разрушитель эги,
 кежа; она не разъ обращалася къ нему за помощью
 прозвѣ увлеченій герцога и никогда не раскам,
 валася въ зломъ. Въ 1778 г. Тѣзе съ герцогомъ оу-
 правился въ Берлинъ, отъ зналъ, конечно, что Фрид-
 рихъ Великій, въ подвижнѣи нѣмецкой мѣдаразури
 и сказываніи Тѣзе ср. Берлинскимъ образомъ пошло,
 сри и безвкусія, не удостоитъ его особенно наскованью
 приеломъ. Но, въ счастіи, Фридриха въ то время
 въ столицѣ не было, гоереи принималъ наитосъ,
 нисъ; въ Берлинскихъ солокахъ Тѣзе велъ есдъ
 чрезвычайнѣо сдероманно, какъ насродвижнѣи призвор,
 ный Legationsratъ. Какъ позрѣ, отъ едкамалъ въ
 Берлинъ зомско одитъ вазинкнѣ по своимъ поелтъ,
 сзвиданъ визитъ: были у знаменитого граверя Но,
 довецкаго, козорнѣи украшалъ его произведенія своимъ
 маэзерскии рисунками. Въ Январѣ 1779 г. Тѣзе
 принялъ управление коммиссїи военнѣи и пу-
 зей сообщенія, были едкамалот зайновнѣи совозрнѣи,
 ромъ и въ сентябрѣ того же года отъ и герцога
 предпринялъ пузешевнѣи въ Швейцаріи икозми,
 го. Отъ подбвали и въ Франкфуртѣ и поестрнѣи
 радизелей Тѣзе. Старнѣи совозрнѣи уже прикирмелъ
 съ удалнѣи елудитѣи своего сама, едкамалот зомско
 что въ день своего рожденія зайновнѣи совозрнѣи.
 Изъ Франкфурта пузешевнѣи оуправилелъ въ
 Сраасбургъ, и Тѣзе, оставивъ на время герцога, едкамалъ
 въ Сресеннѣи поелотрогъ на Фредерикъ Брнотъ,
 воспоминаніе о козорнѣи нѣмецкой мѣило его со,
 воезъ. Но Фридриха, оставшаяся въ двѣцнѣи, верра.

Жила со златъ масково и задумываю, что охотнѣе зрѣть
 низше низше предсказывалась пошу зомко съ поз.,
 ричеки-оградной сгоронки. На возбразномъ пути
 изъ Швейцарии, гдѣ Тѣре видѣлся съ Ларагеронъ,
 герцога и Тѣре затѣдали въ Штургаръ и попали
 на зорисеуветный акуръ высшей военной школы
 герцога Вюртембергскаго; на зромъ мѣрѣ Тѣре въ
 первый разъ видѣли 20-лѣтнимъ студентомъ ффрадрида
 Шиллера, получившаго ^{апоуало} 3 награды. Въ апрѣлѣ 1782г.
 Тѣре получила по императорской грамотѣ дворянство.
 Въ июнѣ того же года она временно приняла Кам,
 тсграйдити (предсѣдательство палаты), з.е. министр,
 зво франкозовъ, зинъ и работало, но пресильну,
 въ Рейнари. Въ томъ же году умеръ сгаромъ собратъ,
 нинъ Тѣре и черезъ это матеріальное благосостояніе
 пошу значительно увеличилось; на лишній денги
 она улучшила свою лабораторію и расширила
 свои занятія благотворной.

Въ это время измѣнилось отношенія Тѣре къ
 фрау ф. Штейнъ: судя по письмамъ къ ней (она не,
 зредила все свои письма къ Тѣре, но физически
 собрала даме самыя незамысловатыя ея записки,
 сошки). Тѣре вполне наслаждалась своего любовью, и дру,
 тесное, зѣи охотнѣе изгоняла зеремонное
 «ви». Но въ глазахъ одисеява они все же оставались
 чудными другъ другу, и естественное въ мѣрѣ Тѣре
 сзрѣленіе къ естественному счастью не было удовле,
 зворено. Измѣнилось также отношенія Тѣре къ гер.
 цогу, который еще не перешелъ своего бурнаго пери,
 ода. Но обласаженія между ними не было, и разномыслия

были непродолжительны. Въ 1784 г. посылъ возбра-
щенія изъ нундесверва на Тару, куда онъ бралъ
съ собою девадилгозидго сына фрау ф. Штейна, Тере
по случаю открытій работъ въ Пльменау, произосилъ
рассъ, въ середину казюры онъ забилъ, то говоривъ
далше, и озаювилъ. Для всякаго другаго это
было бы публичныи скандалъ, но Тере, нискалько
не сконфузенной, удерживъ свои огромные глаза
на публику; все молчало. Тереза нисколько нисколько
онъ вспомнилъ продолженіе и блещательнго осто-
вилъ работъ.

Съ ранней молодости Тере мечталъ о нундесверви
въ Израиле и зюско землѣ нощъ привезши эту мечту
въ исполненіе, когда это сфреленіе, позрючески
выраженное въ нъени Кивюны, дошло почти
до Болтозменюехи. Въ 1786 г. онъ отправилъ вын-
сръ съ герцогонъ, Тердерию и фрау ф. Штейна въ
Карлсбадъ; онъ звердо рюшилъ про себя не воз-
вращаясь назадъ въ Веймаръ, но никому не ска-
залъ ни слова, пока не угадали Тердери и Штейнъ;
тогда онъ открылся герцогу, но и то на половину;
онъ не сказалъ, куда онъ ндехъ и надолго ли,
какъ какъ вообще не любилъ сообщать заране
о своихъ планехъ кому бы то ни было. Герцогъ во-
лей-неволей далшеюгъ былъ согласился, и зю семъ,
зюбрь Тере началъ свое израильское нундесверви
подъ иженіемъ купца Киллера. Подвиго въ Вене-
ции и въ другіе города въ стюверной Израиле, онъ по-
стюшилъ въ Римъ, зю нисколько недлъ разсказри-
валъ павдзюски древности и предприимчиваго

Богатинский эскуреин въ окрестности города. Изъ
Рима Теде отправился въ Неаполь, потомъ въ Сици-
лию, затѣмъ вернулся опять въ Римъ и тамъ оставалъ,
съ десяти мѣсяцевъ. Она рѣшила закончить нѣско-
ро е литературные планы; въ Римѣ она придумала
судьбоверную фору своей Маркетини, обрадовала Тас-
со и Филонза. Французъ ему не давался; но все же здѣсь
написала она сцену, въ купитъ вѣдѣннѣ! Она усердно
работала и надъ символическою, но безъ заключеннѣ ре-
зультатовъ. Его эскеринскія воззрѣннѣ въ это время,
какъ говорится, кристаллизировались; она усмотрѣла
разницу между античною и новою поэзїей и рѣшилась
порвать съ послѣдней, продукци козрой Дорверри.
Разница, по его мнѣннѣ, состоитъ въ томъ, что анти-
чна, объективная, поэзїя, предохраняетъ существующее
срѣдѣй, а новая, субъективная, проявляетъ мнѣ.
Въ апрѣлѣ 1788 г. Теде подала въ образный путь,
на родину. Въ эту похоро года она много измѣнилась
и прежде всего сознала, что не долготельно отдавать свое
время и силы на дѣла, козрой не душе его могутъ
исполнить друге; она задвину герцогу, что отказыва,
ездя отъ вѣннѣ государственнѣ обязанностей, кромѣ
заботиваннѣ дѣлать просвѣщеннѣ и художествѣ;
герцогъ подумался его рѣшению безъ особаго не,
удовольствнѣ. ✕

Она уже въ Уралитѣ убавала значительнѣ охладнѣннѣ,
почти къ франц. Швейнѣ; но возвращеннѣ она написала
се еще болѣе похорннѣ (ей уже было 45 лѣтъ),
но нѣсколько не утратившнѣ презензїи на пекло,
италнѣ господство надъ его сердцемъ; между ними

были неприязнители и сцены, которых, конечно, не вер-
 нули ей любви Тёре, но зато ослабили губево дружба,
 которое она питала къ ней. Его зависта любви нашла
 теперь удовлетворение въ другой женизине. Съ юза
 +) Christiane Vulpius 1788 г. Кристиана Вульпиусъ владила его сердцемъ: это
 была дочь одного веймарскаго чиновника, коромеевская,
 добродушная, веселая, прослая и вельми своимъ суще-
 ствомъ преданная возлюбленному. Въ юномъ юномъ,
 юного года, когда Тёре отъизиди гуляло въ паркъ,
 къ нему обратилась съ прошениемъ гра^{коромеевская} дворянина,
 дочь горскаго пѣвчицы Вульпиуса. Кристиана (Vulpius)
 Вульпиусъ приняла изъ Жены просить Тёре дать
 место ей брату, котораго напрасно сражался дожда,
 быть пропитание своей семье мизерабурной ра-
 ботой. Кристиана поправилась Тёре, отъ скоро сошлась
 съ нею и переселилась се въ Веймаръ, гдѣ она управляла
 на вассалдворѣ его хозяйствомъ. Когда у него родил-
 ся ребенокъ, Тёре приняла се въ свою квартиру, гдѣ
 она вассалдворѣ управляла его хозяйствомъ, и въ
 глазахъ герцогини Анналии и др. „либераловъ“, Кри-
 стина съ зрѣлы горъ срамовица законного жениго
 Тёре, хотя бракъ былъ заключенъ много позднее,
 только 19 октября 1806 года; но Тёре ее самаго начала
 смотрѣла на нее, какъ на своего жениго, и если отъ
 потерѣла юза этого дружбу г-жи Штейнъ и згоръ
 разрывъ порраеъ его до глубокой степени, то все же
 Кристиана едилала вполнѣ его счастливымъ. Суди,
 говоренія, какъ „Могучи-Клевети“, такъ „Вару“, рим-
 скія Элегіи, венецианскія оперы, не уграбаторъ
 зого, что отъ неговоривалъ: „А жалко!“ восклицаетъ

1) Утренняя стужа.

2) Покорение.

онъ, „и если бы человекамъ были даны сози и сози
иуды, я бы сделала завращиваю дна такого, какъ ея,
гоудитиий". Онъ утверждетъ, что боги дали ему все, что
человѣку себѣ выкалываертъ. А для возлюбленной
онъ находитъ прекрасное сравненіе: „Я ходилъ вдоль
моря и искалъ раковины: въ одной изъ нихъ я на-
шелъ шеллугушнику; она спрятана между у моего
сердца". Но враги ея и главные образы вражд.
Швейцары, которые называютъ ее (Христиану) попомизель,
но глупой, и утверждаютъ, что Тезе своего свидѣнн съ нею
показалъ, какъ мало она оучалое у него идеализма.
Но Тезе любилъ Христиану искренно, писалъ ей стихи
и говорилъ съ нею о своихъ работахъ и она плакала
ему самого искреннаго и гордчаго привѣтанаселью.

Въ 1790 г. Тезе путешествовалъ въ Венецію, а въ
1792 г. онъ выѣхалъ съ герцога Карло-Августо-
Ходилъ въ походъ противъ Франціи. ^{и въ 1792 и 1793 годахъ} ^{онъ въ свѣтѣ сво-}
италийскія государева рѣшили помочь несчастному ^{его герцога при-}
Модовику XVI противъ его подданныхъ, вполнѣ убѣдивши ^{нѣтъ участие въ}
ны, что французская армія образуетъ въ Бюгеро, ^{походѣ въ Шам-}
какъ только они возмуща въ предѣлы революціон- ^{паньон и въ}
ной сраженія; извѣрно, какъ горько они ошиблись въ ^{осады Майнца.}
Этомъ. Тезе съ самаго начала не симпатизировалъ
революціи, такъ какъ была врагомъ всякаго насиль-
ственнаго переворота; отъ глубоко вѣривъ въ прогрессъ,
горько доизигнутой нудель кривой цивилизаціи.

Въ 1805 г. умеръ Шиллеръ, съ котораго Тезе зналъ съ
1794 г. въ тѣсной дружбѣ. Рана, нанесенная его сердцу
смердью Шиллера, еще не успѣла зажить, какъ ждана,
лай политическій обер-директора шиллерилъ всего его

1794 годъ итальскія дѣла Тезе большое значеніе, потому что тогда
онъ подружился съ Шиллеромъ. Въ 1792 г. Тезе совершилъ свое
зрѣлье путешевіе въ Швейцарію.

жизнь в самую неприятную для него сторону: в октябре 1806 г. произошла битва под Йеной, Бомбардировка, при Веймаре и завязие его французскими войсками. Дочь Тезе и его рукописи были спасены, но французы в несколько дней выжили у него 12 бочек вина и принесли ему убытку на 2,000 залеров. Тезе, всегда равнодушный к политике, генерал волею-неволею должен был заниматься ею и энергично заступался за своего герцога. Пять дней сидел в плену в Битве Тезе обывал, сд Арнезимо Вульницер, чтобы обезопасить ее и сына на случай негасия. В 1808 г. во время Эрфуртского союза Тезе предсказывал Наполеону, который предсказал его у себя около часу и верну. Жил и проводил словами: *voilà un homme* (вот человек). Зажгли они несколько раз видны в Веймаре. Наполеон расхваливал Вергера, которого он прочитал 7 раз, советовал Тезе написать гра, гедю — Смерть Юлий Цезаря, усиленно звал его в Париж и награждал его орденом погребного ле, гюна.

Когда в 1814 г. Тезе приехал в родной город Эрфурт на майку, граждане устроили ему ряд оаций, напоминая оации Паризяны Волсгеру. Возвращение мира в Европу застало Тезе еще в цюю его умственные силы и в полном ст, знатии через исполненного долга; его неизбежно утвердившая слава доказывала ему некое удо, Волсгерие. Но мир ему сранилось все скучнее и замелки, так как близкие ему люди одни за

Другими покидали миръ: въ 1808 г. умерла его мать, въ 1813 г. этот позерляль послѣднѣе муть лихораду, нѣтъ соратниковъ своей конюхи Виланда; наконецъ въ 1816 г. умерла его жена. Жена Фридриха пошла бра- ка, который ~~откры~~ открылъ ей дорогу въ веймарское общество, держала себя неравненно съ большими законами и достроительствомъ, нѣтъ президе, все же между него и музеевъ, по общему мнѣнью, было слишкомъ мало общаго, и никто не ожидалъ, что ея смерть такъ тяжело подѣлываетъ на Тере; его раздражающая душа скорбѣ въ моментъ смерти жены, его долгая и искренняя печаль похоронъ музеевъ ея оправданія въ глазахъ позерляль. Въ утѣшилъ до извѣстной степени только смертью сына, въ этотъ позорный день Тере назвали Короною Козюлку, а сра- жень позре - моданую и заболѣвшую дожь.

Въ 1817 г. Тере оставили управление веймарскими театрами; отъ несколькихъ обладатель къ нему еще сосер- жи Шиллера, но въ нѣмне продолжалъ для него работы. Наконецъ, когда, великое герцогъ прозвѣ воли Тере пригласилъ на веймарскій театръ актера Каролина ради его собаки, позоритъ такъ искусно исполнила своего роль въ одной мелодрамы („Собака Конрагиса“), то только приобрѣла себе обширную извѣстность, Тере разсердилъ и вывелъ въ озеряну. Освобожденія отъ замѣдлѣн по театру не уве- личило досуга Тере: въ 70 мѣся отъ работы такъ же степенно, какъ и въ 20 мѣся, и замѣдлѣн его были такъ же разнообразны, какъ въ времена его студенче- ства въ Страсбургѣ: отъ занимался греческой археологическѣ

„Карлъ Нюбергъ получилъ это уведомленіе своего зрѣнья въ 1816 г., при- чемъ и Тере были почтенны ильскобисскими наградами.

и искусствоведных, естественными науками (в это время
его особенно интересовала химия), ассирийской мифо-
логией (особенно Скоттон и Байроном; впоследствии,
то он изучал величайшие поэмы эпохи), средне-
вековыми искусствами, историей и поэзией восточной,
Кальдеронской, новогреческой народной поэзией и т.д.,
и т.д. Он считал за великое, что подвизался забото-
зельного во всей Европе, и французские, и итальянские
романисты были ему также хорошо знакомы, как и
центры немецкой историографии и культуры на
родном языке. Он редко выезжал, еще реже показывал
валей при дворе; но зато великая герцогиня Елизавета,
бывшая у него кассиром не только и приводила к нему
всегда высокоих покровителей Веймара (в это время числился
Тёре наместником и великий князь, впоследствии русский
император Николай Павлович); великий герцог вхо-
дил к нему без доклада и озабочивался по целому
нашему.

На 74-м году жизни Тёре в последний раз не-
выдала любовь в Мариенбаде (к молоденькой девушке,
кто фрейл. Левецов, которая, с своей стороны, выходи-
лась в него и готова была выйти за него замуж,
но Тёре не решился подвергнуть ее и себя всеобщему
осуждению) и восстанавливал ее радости и горе в так
называемой „Трилогии сражений“ и в особенностью в
средней ее части: „Олеги“.

В 1825 г. в Веймаре праздновали 50-летнюю
юбилей царствования Карла Лвувца, а вскоре после
этого его немецкого германского и задумчиво
и 50-летие пребывания Тёре в Веймаре; последняя

празднество отразилось и в других городах Германии.

В 1829 г. скончался либеральнейший и гуманный, ший муж немецких государей Карл Август, «брат по оружию», как называли его Тёре; за ним скоро последовала и герцогиня Луиза и в ноябре 1829 г. умерла единственная сестра Тёре. Старый поэт осрабался ею, вместе одним среди молодого поколения. Но она все еще не слала оружия. В июле 1830 г. была окончена 2-я часть драмы. На революцию 1830 г. Тёре, бывший генерал еще был равнодушным к политическим, не имея когда-нибудь президе, не обратил почти никакого внимания. В октябре того же 1830 г. (по Курцу в ноябре 1829 г.) старого поэта постигло страшное горе: его единственной сестры, отправившейся в Италию для поправления здоровья, удар в Риме; Тёре едва перешли зреть удар, однако оправился и снова принялся за свои работы.

В августе 1831 г., перед наступлением дня своего рождения, Тёре отправился в Ильменау, чтобы изобразить законченную для него драму в Веймаре, возбрался на вершину горы Тукельберг (Tückelberg) и вошел в лесик, где он бывал когда-то с Карлом Августом в полном цветущем силе и молодости, переживая самые сильные моменты своей любви к драму Ф. Шрайвер (ей уже давно не было в шибель); в этой лесик он написал в 1783 г. своего изв. вступительного текста: Unten unten Nigeln ist Ruf - - как искусственно переведенному Лермонзовым:

Торная вершина

Связь во зблнн почтой и ф.д.

Теперь, почти через полвека, Тёре, переславший почти весь близкий люд, увидать эти сны, нарисованные на стене! Слезы брызнули из его старых, чешских глаз, и он повдормил два последние строки: *Многи пию, вольта пифи миу ти -*

Подосиди немного:

Одохнешь и зм.

До стадующего своего дня residence Тёре не дожил. 16 марта 1832 г. он заболел просудого, на другой день он было начал поправляться, но позомъ ему стало замужно хуже, а 22 марта он скончался живо, почти безболезненно. Его последние слова были: *Мари Луф!* (больше всего).

Творческая деятельность Тёре.

Творческую деятельность Тёре всего удобнее разбить на четыре части или периода: 1) молодой Тёре до 1775 г. (родильский домъ во Франкфурте, Лейпцигъ, Страсбургъ, Веймаръ -), 2) Тёре во Веймаръ, его первый веймарский периодъ, съ 1775 года до отъезда въ Шмильдеромъ въ 1794 г., 3) совинтерная работа съ Шмильдеромъ до смерти последняго или до выхода въ светъ 1-й части французскаго многоизданаго — до 1805 г. (этого 3-й периодъ ли, жаратурнаго изобретения Тёре начинаеца подъ впечатлѣнїемъ и послѣдствїемъ его шмальдскаго путешествїя) и 4) последняя четверть столѣтїя его жизни, периодъ старости Тёре, съ 1805—1832 гг.

I-й периодъ — молодой Тёре.

Отъ отца Тёре получилъ методу и научный складъ мысли, указавшїя на Крапато, любовь къ собиранїю, изученїю, поспѣ и дилежантскому многозоровному. Поэтическій

Заламать, образность выразительная, огненную природу, во-
 бразление, которое его увлекало, Тезе увлекалась
 охотой мажери; она читала сильно, весело говорила; каждая
 маленькая заметка, написанная ею, дошла до охоты.
 Ваниль ее беззастенчивости и оригинальности; она была
 неравненная рассказчица сказок, и рассказывала
 мальчику свои истории довольно наполовину и представляла
 ему оградившее продолжение, она рано восприняла во
 себя поэтическую изобретательность. В ее обдумании,
 не советовать поэматическое, но поощрившее
 развитие чужеземной самодеятельности, рано владели
 главнейшим явлением современной литературы. Когда
 Тезе родился, тогда уже выехали Теллеры, Глейны,
 Клопперы и Лессинги. Охоты были благосклонны
 к естественности; одни дружились дома приносить „мессе-
 аду“. Красота Везлаго Габриэля восхитила мальчика
 и поощрила основание братьев тауберских, идишских,
 чешских черт, которые они уже вскоре так же на,
 езерски владели. Кукольное представление, которое
 показали докторам, возбудило будущего драматурга к
 естественной деятельности, и перевод „Свободного
 Фаруалима“ Пассе, как и прежде, дали ему первый рыцар-
 ско-германский стожер. Рано сообразивший и человек,
 Габриэль, охоты уже испробовал себя во всем роде
 поэзии; охоты уже черпал со всеми спорами кружок,
 который открывался ему во имперском городе, приехав,
 съезжал при коронации императора, вращался в раз-
 нообразном кругу, всматривался в социальное зло
 больше, чем ему следовало, несколько раз влюблялся
 и узнавал оградившую любовь, — когда охоты 16-го июля возмутил

въ Лейпцигъ въ университетъ. Между немецкими по-
 зами Тёре въ своей молодости особенно полюбилась
 Клоппшюк, слабая и мало духовныхъ одъ и талантов,
 между которыхъ самое счастливое — суждение Нис-
сиденсе ^{у Ниссе} въ адъ („Die Götterfahrt bey Nacht“ 1765 г.). Хотя
 въ Лейпцигъ Тёре получила малое поощрение къ со-
 знанию суждены — ибо, какъ мы уже знаемъ, жена про-
 фессора Бебе, которой Тёре сказала о своемъ поэтическомъ
 таланте и прочла некогорое изъ книгъ, осудила иль даже
 на сомненье —, за все-таки она вполнѣ не бросила
 своихъ суждены иль обычаевъ, но зато глубоко оза-
 нилась и ознакомила къ книжкамъ значительнаго суроста, чья
 пресиде. Въ Лейпцигъ она написала свои первые
 драматическія опыты, пьесы: „Капризы влюбленнаго“
 (1767 г.) и „Совинувилки“ (1768 г.). Пьеса къ „Капризамъ
 влюбленнаго“ дали Тёре его любовный емошья съ
 Антона Караринко, дочерью винохороваца Шенкопера.
 Тёре здѣсь въ первый разъ пришло къ обычаю для
 него вносладувимъ средству раздумываться съ воззренъ,
 книжкамъ неурядицами, къ зворнезбу. Въ этой пьесѣ
 „Die Lüge ist Antivirtue“ („Капризы влюбленнаго“)
 зато иль мильный похвалы и несколько сильныхъ суждены
 достойнымъ абзора Франца. Пьеса написана въ избузю
 и логичной фронты пазорали, подобной згаль, которой
 видѣла Тёре въ Франкфуртѣ во время пребыванья тамъ
 французской группы. На сценѣ, передъ нами два пара
 влюбленныя: два пазуха и два пазушки. Одна
 пара сгасливая, а въ другой пазухѣ Эридонъ мучилъ
 своего возлюбленнаго капризами и неосновательного
 ревностю; сгасливая пазушка, малая своего подружъ,

начинаешь кокетничать с Фридоном, доводишь его до минутного увлечения и опять доказываешь ему, как мало за ним права удержать вечною ему насущную.

Через три года, больной и усталый, Тёре вернулся в родной дом; но когда он начал поправляться, сестра ^{Корнелия} ~~Фрэнк~~ возбудила его к дворцовой работе и во избежание на него отчасти благоприятное влияние. Она уверяла себя сильно подвинувшись во вкусах и поэтических дворцовых; кнессонско одъ в бн, лишь срихавъ показывали уже счастливо вырабо, жанное образы; кнессонско пьесовъ въ рид. новановских срихавъ присоединили къ индустриальной-музыкальной, операционному лейпцигскому зону шибое наблюдение природы и довели до совершенства грациозно-музыкальную анакреонтику; какъ мы видели, оно считалось законом даря совершенно новое содержание насущеской пьесы, не смотря на ея изобретение и логическую форму: „Капризы влюбленного“, выведена изъ, резко развиваемое действие изъ шибое обрисованных характеровъ, и такими образомъ въ границахъ милого, только легко впадающего въ искусу рода драматической индустрии создать истинное и единственное художественное произведение.

Тёре привезъ съ собой въ Сурабурхъ много немецкихъ срихотворений (небольшая часть изъ уже была напечатана) и з.ль акцию комедии въ срихавъ: „Die im Schuldigen“ („Совинувинский“). Это произведение южнонемецкого происхождения написано ^(какъ мы знаемъ) еще въ Лейпцигъ и обр. работано во Франкфуртѣ. На сценѣ читала семья

негодный человек: тщливый и любовливый отец, его дочь, готовая изгнать своего неадекватного мужа; мучитель, оборачивающийся любовником сестры. Комедия интересна, как первое драматическое произведение Тэре, во вольном выводе Лессинга обретенное со французской модой (двойственный смысл — иезуитизма). Президиум франкофрунжеский возбудитель восторга, живет в этой веселой, но производящей восторг, легкой комедии; повету замечено, что иезуитизм духа передали ему не только Теллерх и Вейсе, но что на его драматическую деятельность подвигнула также замечено, что Явившаяся „Минна фон Барн“, гелль „Лессинга, что Клопперхольц и Виландт обо, гажали его поздравительными и похвалами, что уроки Эзера подвигнули замечено и на его поэзию, что в этой области, возмущаясь, как мирится, привлекательна в развитии нескольких десятилетий, он говорил замечено о перестройке и скарала поздравительными освобо, дивясь от своих сердечных невзгод!“

Его идеал — невинность. Красота он определяет как сумерки. Наивнее прелесть ему представляется, возмущаясь и ругаясь, мягкий свет и похвалы при, криваясь. Неправдоподобно героическому и сурово-го, бродячествующему, на что нападал уже Виландт, Тэре предпочитал веселое и наивное. Но восторг ее злом драма „Минна фон Барн“ Лессинга направил его на значительное национальное содержание; кроме того он познакомился с Шекспиром, а во Врасбург-е Гердером, возмущаясь суровая дисциплина была ему похвала. Он провел с Гердером всю свою жизнь.

1) в этой отношении т.е. слава и восторг на случай, он подражал Тюнгеру.

1770—1771 и божь Тердера срами его богами; уменши
 Озиланда божь принимать въ школу природы, и его
 мирика узнаешь не меншала мудрую переману.
 Сравнимъ его лейпцигское суждвореніе, въ казоранъ
 отъ изъ книжки своей возлюбленной идехъ въ вы,
 першии лось, въ лунную ночь, сравнимъ его съ зна,
 меншдо сфрасбургского поствью: „~~И рѣчь таи гѣтъ,~~
~~дѣррѣинд зѣ рѣрѣтѣ!~~“ (Сердце бѣлосъ — ~~вѣлшуете~~, поскортой
 на лошади!) Первое чаше заключаетъ въ себѣ чуждую
 карзину природы; и березо участвиво распрощанъ,
 розъ еѣ сладкій ароматъ, но затѣмъ франшмивнй насу,
 шескій коедрой въ ашмивн, асудивная мисологид,
 муна, зерриры, описаніе душевнаго соединенія, кождъ
 бы пощерами прекрасно озимвлениое, восклицаніи
 и любовная шурка въ концѣ. Напроруби въ сфрас,
 бурского произведеніи: какой нравъ къ возлюблен-
 ной, какая возрота и какое прощаніе! Въ гезураки
 сфродракъ рядъ сиземъ, не описаніи, а дѣиствія, въ
 нешкосилье словакъ самая шивая ситѣна францовъ, все
 пронажнуго горячимъ дыханіемъ сфраси, и даме обик,
 повенные восклицаніе въ концѣ, хорошо моживн,
 рованное изъ ситѣной души любовицѣся, сфрасеся по,
 бодуръ отпадніе рѣдлукѣ мисованіемъ сердца. Отъ
 скаканъ къ своей возлюбленной черезъ ночь и лось,
 какъ гасдо начинатѣся мизовскій дайви — народный
 постви въ „Толосахъ народовѣ“ Тердера, мы переши,
 басиль съ нимъ и всеръ, и спускатомущуюсь ночь, все
 вокругъ него сфрановилое предмезомъ поэзи. Сзначомъ,
 мѣдѣ еѣ народного поэзіею, Тѣре зочмо вышель отъ
 первоизданого източника, изъ котораго никогда проицо,

и въ Мейнциге, кождъ отъ жалъ уже началъ писать
о переселенцѣ (какъ это доказываетъ его „Капризы влюб.
лемного“, „Совѣтовницы“ и „Новая повесть“ (Nouveaux Lieder,
Лейпц. 1770). Отъ преслѣдствъ способа возрѣтій отъ сево,
бодился лишь въ Сtrasbourg, гдѣ именно прикартъ Гер,
дѣла возбудилъ его противъ Франціи и французской им.,
Герардуры. Писавше бунтовныя завариванія укрѣплялись въ,
Отъ съ ними въ сурово-патриотическомъ настроеніи, и
духъ Шекспира былъ среди нихъ. Вѣтсого галамизма въ
лейпцигскихъ манеръ распространялись нѣмецко-
сруденскихъ чужбавки со вѣснъ и въ грубоствѣ и тло,
лики острозали, что проникло и въ поэзію.

Вскорѣ съѣбно заинтересовала Тѣза герой, кожо,
рѣшъ легко складывался въ драму, „Тѣза фронъ. Берм.
Липпента“, рыцарь-разбойникъ XVI столѣтія, предводи,
жалъ въ крестьянской войнѣ. Отъ задумалъ эту драму
еще въ Сtrasbourg, и когда, въ концѣ 1771 г., отъ на,
бросалъ первый планъ „Тѣза“, отъ уже снова наводилъ,
съ во Франкфуртѣ, гдѣ усиленно работалъ надъ этой
драмой, чтобы залучить воспоминаніе о Фридрихѣ.
Въ слѣдующемъ году, годовѣ „Тѣза“ къ печати, поэту под,
вертъ его назидательныя передѣлки и насторожились
сокращеніями. Подѣлъ не найри ударенъ, отъ приндлъ
предложеніе Меркса напечатать его на нѣч обшій счетъ.
Въ то время, въ 1772 г. Меркс издавалъ „Франкфуртскія
ученыя записки“ и Тѣза потаскилъ жалъ рядъ прижи,
ческиа сраженій. Въ нѣмѣ (Тѣза) Меркс сразу призналъ
выдающійся талантъ и велѣли вторыми подизрвалъ
его печататься. Ужасъ Тѣза повдился въ свѣтъ (1772-1773).
Съ эпилъ поръ вѣтъ, и интересующіеся отечественной им.,

Уже иду прочитанъ „Каванъ Биттль Биндлингъ“ (Оригинальскія архивныя записки 1770). —
„Каванъ Биттль Биндлингъ und die Geschichte des Prinzen von Anhalt“; „Каванъ Биттль Биндлингъ und die Geschichte des Prinzen von Anhalt“;
„Antike und Moderne“; („Anstalten und ihre Geschichte“) — и другія отечественныя сраженія.

герагурой, смотря на Тёзе, как на крупную зворю,
скую силу.

Материалом для драмы Тёзе послужила австрия,
графинь одного рыцаря XVI столетия по имени Томфери.
Да, по прозванию Желтознай рука. Сюжетъ "Тёза" оу,
крывъ поэту какъ классический періодъ Реформацион,
такъ и старый государственный строй, козорьинъ изъ
давня интересовалъ городъ Франкфуртъ, гдѣ короно,
балитъ императоры. Тёзе провалъ въ своей ксенъ реформа
ционнае поэубы; они не пошедилъ духовенству,
а соединилъ государева представлялъ безнадесителны:
никогъ не можъ найти справедливости, каидый самъ
доиснетъ заболитъ о себѣ; виноваты же гасныя власти,
проубы козорьинъ ничего не можеть самъ императоръ.
Тёзе - приверженецъ императора; но онъ невидитъ
душнелъ государей, и когда онъ палъ въ бою, онъ вос,
кликаетъ, умирая: "да здравствуетъ свобода". Поэра
оунесъ къ своему незрелому оуень свободно: нубъ
довольно обидѣннаго глупца гой иузересной, но
грубой эпохи онъ едѣлаеъ идеала кышецкаго бор,
ца за свободу и правду и окружилъ его идеала,
кыши кышецкими шенциналами. Нуидаетъ оудъ
своего кесунаго Тёза въ прозвонитъ, зиславіе ко,
горало поубило геровъ; Тёзе придумалъ Рейслителка,
некотораго возлюбленнаго кроукой есеры Тёза; ко,
нй съ него самого и вовсе не прикрашенная кочия,
но искрѣнная неубодъ (оуноуеуално его поэубка
проравъ Фридерикса). Рейслителка Элегануный дан,
скій герой, оболъсудилъскій, слабый, испорченнаый
придворнаый шизителъ, впрочеилъ поубоний на Аюна,

колеблющийся, (как Лессинговъ Шеллеронъ въ Мисс Сапа Салмонъ), между двумя различными позициями, но бросивший позицию и добрую для непорочной и злой красавицы.

Сзрабурские зоварицы уже не хотели больше знать о смелости; они хотели пересадить в нѣ, мезуру мезуру всего Шекспира цѣликомъ въ море и кровно; и въ зтомъ смысле Тѣре писала своего „Тѣра“ въ пачеръ Шекспировской Кровки: еднѣ, орово времени и меза гудо нарушалось; декорации мѣнялись въ локонога въ зри сурокки или для дѣа, мого въ мезѣ сурокки; единородный вид повредено введеніемъ Рейселинга, который вургалъ какъ второй герой; введеніе въ сословія: Бюргеры, солда, жи, слуги, крестьяне; большая мезура образы и настроенія; снѣтъ драматическаго и снѣтъ мого; Шек, снѣтъ мезуры и увеселитель пересажены въ придвор, кое обурево; безавленка маленькаго повени; мезура, ренкии снѣтъ мого Азвкѣ, грубоеръ, высокопарность и превеличій, напоивавній Логенмизейна и Каурт. инд Платактронен, и въ газноеди мѣкозоря замесуваній мѣко Шекспира. Полный радоеди отъ Бюсуро и легко удавмагося произведенія, Тѣре послала его въ зтой первой редакціи въ Тердору. Но Тердору неумолимо преслѣдовавший всякое подразнаніе, выра, зить свое мнѣніе въ приговорѣ: „Шекспиръ все советавъ непорочно“. Въ то же время появилась „Дми, мид Талорзи“ Лессинга и показала, насколько мнѣне помышавъ сблизеніе съ Шекспиромъ мезура мѣ, мезкой драмы. Тѣре увесуванъ, что Дми мид сѣтъ описавъ,

а, Теңге долбого подрашаніе. Теңге аврорской губеуби, дейности и не падад дуломь, онъ снова приидеть за работу. Въ сущности онъ не мовъ уже изъяснитъ нбеси, но онъ мовъ болгое объединитъ драйервіе и по возможности устратитъ въ сущности все, гдѣ онъ замѣтъ, чашъ замержваніе ифъ Шекспира. Онъ мовъ въ то сие время иди даибне Лессинга, когда пренебрегъ встать нехузервеннымъ, выдуманнымъ и преданымъ, ренитомъ въ фронтъ ржи, (когда) удержалъ украше, ния и сензенцию придворного языка, (когда) въ ма, сферекнѣ сиземъ унозредитъ слова гасро зомско какъ симпозию драйервію и вообще уититъ даръ своему діалогу полную сехсервенность.

Въ Эзонѣ несправномъ видѣ фронтаръ. Теңге фронтъ бер, михингевъ, фронтаръ въ шельгозной ружкѣ (Föhr von Volckwindeu, Rittm. mit dem k. r. p. m. Fund) предеданъ передъ публикой могозѣ 1773 года: картина ифъ озе, чезрвенного прошлаго; неслотоизрельно нмалецкіе характеры, какіе еще никогда не появлялись въ трагедіи, а въ комедіи веррошанелъ зомско въ Лессинговой, Минимъ; полнозга шизни, драйервія, правды; нсеа угрогараитная по нравсервенному досроинерву герод, козорое не мозмеръ одонтозъ шизнейскаго зла, иинтересная по цылоному романерическому айтарару фронтаровъ, рейхезага, нападенія, фрорьки, любви, из, митны, борьбы, осады, освобожденія, мдрема, убійерва и познара, яда и зайнаго суда. (1)

Въ до время (когда Теңге задумали Эудрану) ры, царство преснивало иинтературное возрожденіе: во Франціи начали шитъ заниматься устные, а факсе и

достигли конца этой мексениро-мании. Тёже освободился
своими „Тёжам“ от сурового подрешания Мексениру,
во своих „Тёжам“ он научился у Мексенира самого „
взвешенному драматическому искусству“.

Как „Тёжам“ Берлинского, так и „Взвешенный
молодого Вернера“ — продукт периода бури и нарекания.
„Взвешенный молодой Вернер“ („Die Leiden des jungen Wer-
ther“), подвергнувшись вконец за „Тёжам“ в 1774 г., не
предполагали никакого исторического интереса в
национальному прошлому, как „Тёжам“, а только го-
раздо в сердце. Тёже решил судосмерзвенно уткно-
ваться в романе свои исповедания, перешли в
в Веймар: он ввел Лотту Гурфурт, не измывая
ей шенки; он присоединил к ней в качестве
женки и мужа мило, которое могло напоминать
о Кеснерт, под шенки Амберга; а образ героя
он создал из себя самого, как из себя
молодого Ферузалема, сына Брауншвейгского аббата,
который 29 октября 1772 г. застрелился в Веймар.
И Ферузалем любил женщину шенки: его смерть послы-
шила романтического повода для книги; взвешен
на поклоны свои судосмерзвенная исповедания и предсказал
себе близкое положение, во котором он сам был
в этой же шенки, Тёже сдвинул обвенки, как
человек шенки дойти до самоубийства. Он хотел
вывести судьбу из характера, как шенки шенки
в „(Тамбургской) драматургии“ в то время было
зачинание определение мировоззрения в это шенки,
которую роман доукается больше, чем драма. По-
этому он с шенки шенки шенки основан на

характеры героя.

Вертеръ есть добродетельный молодой человекъ съ чистыми нравственными чувствами. Но еще особеннѣе онъ любитъ печаль и фантасировать. Онъ невидитъ въ еякое существо: онъ въ дѣтствѣ страдалъ отъ давленія школы; взрослымъ — онъ уверуеетъ, какъ его думаетъ общесредствѣйшій и случайная дисциплина. Онъ получилъ торинское образование; онъ изъясняетъ своимъ умомъ и дарованіями; но онъ не можетъ приходить ни къ общесредствѣйшій пользы; онъ не можетъ служить: онъ боится долговъ и обязательствъ; онъ не можетъ знать учености, и можетъ только выдать въ романтисмѣ душевности наслажденія, читать Сиди, называющаго поэтовъ — Талера, Осіана —, слушать приличную музыку, рисовать, наслаждаться природою, вращаясь среди просвѣтлѣвшихъ людей и открываясь душевному другу въ радости и печали. Онъ всегда соубеждаетъ себя, кого можетъ общесредствѣйшій инстинктъ, дѣвушка, отдавшаяся молодому человеку, по его удобенію, безконечно выше безсердечной и безукоризненной Эонеры. Онъ стоитъ за права человека на свободу, на равенство, на жизнь свою. Со всеми этими свойствами въ немъ есть для людей что-то привлекательное; онъ возбуждалъ и женскую любовь, не отъ случая на нее; а теперь случилось, что онъ самъ любитъ, любитъ быть надеждою на обладаніе, невѣсту, жену другого. Поэтому онъ погибаетъ: его свидѣютъ инстинктъ любви; они смѣются, что въ немъ есть другая душевная сила; онъ — не дѣтствующій, а чуждующій человекъ, находящее дурь своей любви, и гордится чуждами, ко-

горой къ нему сжалохей со всѣхъ сторонъ, привыкнувъ
не бороться съ чужаками, а подчиняться имъ, отъ предно,
чужахъ сверху неудавшейся зимы.

Теперь слѣдуетъ разговоръ о самоубійствѣ между Вер-
геромъ и Альбертомъ. Вергеръ хочетъ въ немъ видѣть
только результатъ неизлечимой болѣзни и выражаетъ
этимъ взглядъ Тѣе: онъ представляеть намъ изобрѣно
болѣзнь. Вѣрно Ясено Тибера Вергеръ теперь чужахъ
гуманнаго Оссиана. Оссианъ и Лорда невольно сближва-
ются въ его представлениихъ: Оссианъ и чары въ чернотѣ
глазъ касаются ему райнезвѣтливый Элементовъ, въ ко-
ротъ можно советамъ погрѣхаетъ, (наконецъ эти черные
глаза преследуютъ его, какъ будто они его пронизали
и какъ будто сходятъ внутри его тела, а когда онъ за-
крываетъ свои глаза, они, какъ море, какъ бѣздна буд-
то покрываетъ въ немъ и наполняютъ все его думъ;
Оссианъ какъ бы сраковидетъ его проводникомъ къ логу,
къ: чужай Лорда болѣе видеранки изъ него, который
сообщающа и намъ, онъ приводитъ себя, слушаетъ,
лицу и чужахей въ рѣшено напряженное воздуше,
не и замыкаетъ себя; въ зрѣнь гуманно сознанія
и дикотю обожрению чужахъ его покидаеть нѣжная
защитливостъ, съ которой онъ до сихъ поръ относилъ,
съ къ Лорду; онъ обнимаетъ ее, она вырывается и не
хочетъ болѣе его видѣть: на слѣдующий день онъ
застрѣливается. X

Но это отвѣтъ подготовлено съ крайней забывчиво-
стью. Тѣе показывается не только естественной роуи
болѣзнь, но и вѣтхоний обещательство, который домысли
были способовать въ развитіи; вѣтхонъ съ этимъ онъ

указываецо, что Амбериу и Лоуза вернулись въ Браконъ въ озерсзвие Веррера, что Амбериу, какъ мучио, не сдержала того, что обѣщала будучи шенникомъ. Лоуза же несчастлива; Верреръ это замечаетъ, Лоуза больше къ нему расположена; дурной отношеній, которыя отсюда происходятъ, влекутъ за собою глубай раздоръ между жреца и вѣнскими лицами. Среди этихъ обидъ Веррера покидаютъ престыгого сдержанносохъ, места тамъ его обвѣдкамъ, которыя, подъ влѣкненьемъ Осіана, переносятся въ дѣйсзвиемъ, но отъ остра. ествъ тамъ же нравственнаго человека, которыи должныи упрекать себя за нарушение супружесзвья и должныи надеяться снова сблизить друзей своего смертью.

Вотамъ написана въ письмахъ, которыя Верреръ пишетъ въ радѣ дневника къ одному близкому другу. Везуиление Веррера въ епископско дѣйсзвиемъ сосзавляетъ важнѣйшій отдѣлъ, и въ двухъ частяхъ, которыя заими образамъ поучаютъ, мы легко замечаемъ три сзупени: сначала мы заедемъ Веррера одного; потомъ присоединяетъ Лоуза; затемъ Амбериу. во второй части Верреръ сначала озерсзвуетъ, потомъ отъ возвращаетъ; и наконецъ, когда стало идти къ концу, вѣнско писемъ начинаетъ рассказъ. Каждое письмо пошитоено числомъ, и негоридъ замечетъ приди. зидельно съ 4 мая 1771 до Рождества 1772. Вотамъ въ письмахъ писалии уже до Тѣре; шенно такъ писали Ринарсономъ и Руссо. Но тогда какъ у другихъ перени, случалоецъ цѣлое общество, у Тѣре говорить зовско однимъ однимъ герою. Этимъ доежитъ сибмаи концемъ рации

сюжета; это обделало чтение, поэтому что такой шедевр
должны были быть написаны весь в одной сцене,
тогда как в прежней форме требовалось очень много
дей, сколько было пишущихся.

Но само собою разумеется, что Вердерер никогда не
мог бы приобрести такой славы, не мог бы создать, мир,
вой книгой, если бы его содержание не перенеслось
несчастного любовию вникающего молодого чело-
веча к невесте или зенки приданья. Вердерер имеет
еще глубокое историческое значение; герой романа,
— Горовиц, умный, добрый и вникающий чело-
век, есть идеальный предостереженья чуждого поколения
людей, перешедших эпоху „просвещения“ и Руссо и
еще не достигших до революции. Его губить не не-
счастная любовь, а невозможность прикинуться с филь-
м, среднего моралью и филлерерским счастьем. Вер-
дерер пролететь пролив обидеженного чуждоства,
тогда обидеженное, основанное на подчинении
низшим высшим; отъ удивления, что преемники
гораздо полезнее дипломата и чиновника; отъ на-
соду в просить народа больше здравых нрав-
ственных понятий, чем в день поздравительной об-
щественности, и только в низших слоях видны не-
средственные, сильные чувства. Къ могиле, его несли
революционеры; ни одним священником не провожали
его.

Вердерер имеет огромное историко-литературное
значение, как естественное-закономерное произве-
дение, соединившее всеобщую, чувствительность, бывшую
тогда всеобщей модой, с реализмом, тогдашним вос-

произведениемъ обидѣнной дворяноскости. Романъ произ-
водиль почти иллюзия въ гизахъ, какъ едвармані-
ель, такъ и формой своей: тѣсна геродъ къ другу, его
безпорядочный предельный записки, суровый и
обдуманый заключительный разсказъ, основанный
на показаніяхъ близкого лица, всякого засраивать
поварить, это здѣсь не выиселъ, а сама гизовъ. Раз-
личать две части романа: въ первой изъ гизовъ Вердеръ
— самъ Тѣре; во второй Вердеръ созданная фигура, въ
основъ которой лежитъ самоубійство Ферузелла. Въ
первой части природа производитъ удивительное
влияніе на геродъ; во второй — угнетающее; въ первой
— его любимый поэтъ Томеръ, во второй — прагмо мет,
заземный Оссианъ; въ первой — неслепая любовь, а
въ второй она тая за шагомъ ве-
дуть его къ самоубійству.

Въ XVIII столѣтіи Вердеръ самое популярное изъ
созданій Тѣре; онъ переведенъ на все европейскіе
языки; Наполеонъ Бонапартъ беретъ его съ собою въ
Венну и — какъ мы уже слышали — при свиданіи съ
Тѣре въ Эреруртѣ президе всего заговариваетъ о гизовъ
о Вердерѣ; во время путешествія въ Краито Тѣре вурка,
въ массу имоществъ, которые знаютъ его только какъ
автора знаменитого Вердера; въ самой Гарианіи Вердеръ
вызвалъ массу подражаній и будро уешилъ поклонное
молодымъ людей обоего пола къ меланхолии и ед не,
чашкомъ послѣдствія. Тѣре, самъ въ то время уже
перешедшии періодъ «вердеризма», гудко погодовалъ
на поклонниковъ Вердера и обвинялъ себя за изданіе
вредной книги. Но елибы въ одиссрвѣ не было такого

настроений, романов не может бы и иметь никакого влияния. Между другими срадились, разочарованности и пессимизма, но Вергеровичи являлись наименее безобразной и опасной: добродушного и строго-правосудного Вергераго, раздо легче прикинуть сь жизнью, только Шародрианова Гене, не говоря уже про героев Байрона. Все-таки доказательства эпохи просвещения были очень недовольны Вергеровичи: Лессинг полагал, что автор должен был бы заключением описать своего героя, а Касопан высказались прозвать Вергера сь пародией; но огромное большинство читателей, согласно сь возмущенным словам романа, не отказало, характеру Вергера сь удивлением и любовью, а судьбы его — сь слезами.

Около этого же времени, после издания Вергера, вь конце 1774г., Гёте задумалъ два крупных произведения: 1) Магомезь и 2) произведение на тему о Восточной Индии (сь народной книжкою оь Аласферра Гёте были знакомы какъ сие близко, какъ и сь книгою о докторе Фаусте). Вь поэме, Магомезь оное повествование было вынеси гениального человека сь высокими идеями, атаки, но принужденного выполнить иль герою посредство поэмы, которая грядущь и опоминать его сьемлением и дилемму его шарлатанства прозвать воли...

1) Аласферра у Гёте долженъ были быть самостоятель философия, очень мелкий человек, погруженный вь практическую деятельность. Не будучи вь со, сьодним поэтизмом сьозности повало четид, Аласферра долженъ, что проповедь Христа возбудить народ. Только дальше распространяется слава Христа, зьто непроизвольное становится кь нему Аласферра.

1) Аласферра у Гёте возникли планы посвятить восточной теме, дь религиозно-сатирической эпохе вь Кнесселен. Очеркы этого произведения стали известны зьтолько после смерти Гёте.

465 F) Прометей² полове разума и величия: это — дурочинство, который любит свои злые, нид и выкажет в ниде зидит, ниде не ниде оть ботисеубенной помощи, а кего ниде оть своего дарования и зидить выкажет чаетьто религиозное настроение Тезе.

Разоигрывается драма в саду Тессиманского; кь Масора, ру приладити Туда и разсказываея о пропетдшавь. Туда — не предавал, а хогедь перенеси учение Христа на практическую почву и зидити ^{поширительное} издрожество родина. Но плань его не удалея. Когда Христовь, идя на казнь, проходити мимо двора Масорера; онь говорити сурь, видь слова и за это осудити бродити на земли до зиди моря, пока не убедити, что не вооруженными силами, а словами перени воздвигаети на земли царство бо, зиде. Хогя Тезе никогда не выполнити зиди плановь, зо зиди не менше они любонити для характера Тезе. ки незорин развудит Тезе.

Также не вспомнеть плань драматического уро, изведения „Прометей“ (1773). Это отрывокъ въ зреть диметриды¹⁾

Претиде толь воимель въ свозь Вердуря, дань старого советника Тезе позертити для его сына зиди, зидицую долю правлеладельноечи: сесра и другь его Корнелия воимель замудити за Мосесра не по любви, а нидь зиделити освободити нидь — нидь воли сурового оуца; впротемь она нескренно увастала своего мужа. Тезе развлекаелся какь ужалель, ужалити за ба, роситици и, по зиделити одной нидь нидь, которая въ игръ исполнити роль его зиди, онь въ одну медити написель трагедия „Клавидо“ („Clavido“), на основани незадолго вышедши въ свозь мемуаровь Комарие; это одно нидь наибольше славити произведе, ний Тезе, о которомь меркь выразилея: „Види анан Оваск тидьт тидь кидити нидь тидь фриван, видь кидити тидь видити нидь“ (закую драмь зиди не долженель въ будучь, ^{болше} носель писель, это можеть и другие) въ первовь герверель

1) Въ 1-мь диметриды воздвигаети бесиди эпохизана съ Меркуриемь, съ браюль диметриды и кидити. Во 2-мь д., на Олимпь, Меркурий соодидаети Овидеру, то кидити откроя Прометейо издрожити зидити. Въ ето диметриды сценель Прометей гудити людей суровь писани и з.д. Претиде диметриды все советити нидь отрывка. Но и въ зиди насроскаель видна рука великого мастера. F1

мать, покинувшая мужество, переменила франкиста. Но на
 ту же франциско призывает Фернандо, законно давно осуж-
 денный Вилла, но вздумавший снова к ней возвратиться.
 Она принимает его с презрительным отращиванием, но потом
 свидания с нею, очень безумная и ее много, которой
 сначала не узнаешь, позвать обращаясь к ней с законом
 же любовного и заклиная ее ласками, как бы за несколько
 ко минуток передъ ратью разговора Вилла. Она собирает
 ее даже двоякая с женою и бросает Вилла, к которой
 точно это вернулася. Вилла узнает объ этомъ, проситъ
 прощенья у жены. Фернандо въ борьбѣ между привязан-
 ностью къ двумя женщинами хочетъ умереть, но жена
 рассказываетъ ему старую легенду про чилийскаго графа,
 отправившагося въ Палестину и вернувшись охоту къ
 своей жене съ двубишкой, которая помогла ему уйти
 изъ плена, спасла его отъ рабства, спасла его не разъ въ
 сраженіяхъ, сражалась рядомъ съ нимъ въ вождя ору-
 жия, лечила его, слушала его, берегла его. „По-
 думай, только я ей обязана и только ее награждать!“ сир-
 оль отъ. Вторая жена бросилась въ эту объятья и
 сказала: „Возьми все, что я имела, возьми по доброй
 воли, кто по праву твою принадлежннхъ все, но оставь
 и имя его законъ. Пусть каждая изъ насъ владела
 тѣмъ, не занимая ничего у другой.“ Сильно тогда на небу
 радовалась при видѣ такой любви, прибавляя легенда,
 а напослѣдннхъ его на землю дать тѣмъ свое благослове-
 ніе, и счасъ тѣмъ долгое много много, пока одни
 обиды гроба не считали одну обидно брачную посылку?
 Такая развязка, возможная въ эпоху крестовыхъ пово-
 довъ, показалась, однако, Тэре невозможною въ XVIII вѣ-

и отъ окончивъ своего пьесу двойного смертного оубра,
 бывшей въ Сземме и застрелившагося Фредмандо. Эта
 драма ^{смысла} ~~защита~~ Булакин, двуменсуба. Сземма, кождь сла,
 бая пьеса, го все-таки совершенно сходна съ романомъ
 „Судавитъ молодого Вернера“, въ ней являеся, замѣча,
 еся сантиментальность съ несправедливой точки зрѣн,
 ния. — Герцъ Тезе возрочаеся дикомъ и въ Фредмандо въ
 драмѣ, Сземмѣ, который коснулся — какъ мы уже видѣли —
 своего знену Цезилию и полизину Саллу, а герцъ хотѣлъ
 бы снова возвратиться къ своему долгу, но не стала на,
 счастливой Сземме; его спасаетъ отъ ужаснаго отчаяннйя
 предложение Цезилии оубраея вѣнча зрѣн въперъ,
 ни въ одномъ изъ своихъ произведеннй поэра не въ,
 разилъ столько смилосерденнй къ человѣческой слабѣ,
 сди, соудавитъ къ судавителю отъ любви сердцу, какъ
 въ этой пьесѣ, которой вноситъ дѣйстви отъ даль трагическое
 завершени смертно Фредмандо и Сземма. (7)

Въ году две самоты — 1774-году Тезе написалъ пер,
 вой сценѣ Драуга и отпарушилъ въ селѣ небомъ,
 шиль пьесѣ свой юмористический талантъ. Въ этому
 разряду сатирическихъ шутокъ ^(фарсы) принадлежишь: фарсъ
 „Götter, Helden und Wieland“ (Боги, герои и Виландъ) одна
 сцена въ прозѣ. Въ актѣ, на берегу Коцига Фритидъ
 шалугея, что какой-го мальчикъ изуродовалъ его зра,
 гедито „Алцеза“, а герои этой трагедн, Афина и Аль,
 цеза, говорятъ, что въ ней совершенно некаменнй нѣтъ
 характеры. Меркуриъ вызываетъ зрѣн Виланда, являю,
 щуюся въ погонѣ колпакѣ, козочкѣ прилодиза и
 Теркулесъ. Все они удѣлаются нѣмецкаго тсаря,
 что отъ не понимаея ни боговъ, ни героев, ни самой

Трещин. Виландъ защищаетъ и доказываетъ, что въ его время пороки и добродетели совсѣмъ другіе. Все это мало остроумно и весьма неудовольствительно.

Еще менѣе интереса представляетъ драматическая одноактная пьеса, „Das Fährmannsweib der Klundereibergkette“ (Армажка въ Плуидервейлернѣ), написанная Лорини, или ернбахи, но лишенная ^{всякаго} важнаго содержанія. На эту Армажку слѣдуетъ лица, лишенная всякой жизни, мысли: совѣзница, докторъ, судья, паперъ, его экономка, рабшникъ, игрушечникъ, пастырь, горювецъ, цыгане и пр. Балалашицы показывается лишь пьеса, соображенную изъ пещеръ Эсхиры, но въ пьесѣ всего два сцены: въ одной Аманъ убѣждаетъ царя повѣснть мардохея, въ другой Эсхиръ успокоиваетъ мардохея и беретъ поправитъ все дело. ✕

„Saludos odium sine paucitate dicitur“ (Садиръ или одоговоренной лѣсной дучки) — пьеса не особенно остроумная и не особенно интересная выходка прозвѣтъ ученія о поклоненіи природнымъ иезуитамъ. Пустынный притягиваетъ къ себѣ въ жилищу словабшаго козу Садиръ и выключиваетъ его. Птица, въздоровьѣ, начина, етъ проповѣдывать народу необходимое слѣдовать законамъ природы, не носить плаща и носить сырые камушки. Народъ за эту проповѣдь признаетъ его бо, голы и хогель пригласи ему въ жертву пущерини. Ка, порицаннаго слова и похулки Садиръ, но жена одного изъ воздѣй народа, Эвдора, спасаетъ пущерини. ниска, доказывая, что Садиръ хогель ^{соблазнитель}.

Въ это же время Тезе написалъ сатирическіе діалогы, шуточные комедіи: „Hauswirths Gelfzeit“ (Свадьба

У топорнической полемика прозвѣтъ филиантропическаго педагога Пазедова и

драматической моды. Въ итальянской трагедии „Клавико“, въ драмѣ „Селла“ онъ допустилъ переломъ декораций не больше одного раза во время действий и собрании до известной степени единство времени. Но онъ все-таки впамять не подчинился новѣйшимъ предположеніямъ и новѣйшему изложенію. Историческое настроеніе, въ которомъ онъ началъ литературную революцію, еще не кончилось съ появленіемъ „Теджа“, и если „Грауеръ“ и „Эммонъ“ складывались медленнее, все она въ нѣмъ лежала все его сердце. Шестнадцатое столѣтіе, свободное движеніе человѣческаго изслѣдованія, индивидуальная борьба противъ чужеземнаго угнетенія, это было для него идеальной эпохой исторіи. Тамъ находились онъ люди, какія ему было нужно, въ образѣ мыслей и дѣяній, въ которыхъ могло найтись себѣ поощреніе болѣе слабое время, и тамъ находились отъ художественный стиль, не помпезной характерной правды и прямой натуре.

Тѣмъ самымъ довольно значительнымъ поэтическимъ самою, ника и менсхерзингера Танса Сакса, чтобы возобновить его манеру. Угасъ у Шекспира, онъ началъ съ того пункта, на которомъ Тридцатилѣтняя война охрановала развигіе итальянской драмы. Угасъ у Танса Сакса, онъ внесъ болѣе совершенное чужье формы въ его удобные Кистел, перенесъ и его натуралистическій стиль и приемы и въ замѣсчивыя сатирическія драматы, какъ „Армарка въ Плуидервейдернотт“ или „Сатиръ“ или масляничная пьеса „Пазеръ Брей“, въ фелденцугныхъ маленькія пьеса, какъ „Земное сранство художника“ и „Обожвореніе художника“, въ сужвореніи въ похвалу самого сра, раго мастера и особенно въ „Грауеръ“, онъ вспомнилъ

то, что пронесли во XVII ст. Опишь и его друзья. Но удивительно, какъ трудно ему - Тёре - было рваться к привычной итальянскій костюмъ въ современной драмъ! Диттерле, Клавиго и Клаудини проходили въ Вейма, мин. Въ сакой музык, Пагертъ Крэй съ какирассъ Ба, ландрино, а непосредственной знаменитъ любовникъ въ итальянскон, Суелли все-таки долготелъ посылъ идеалъ, зиряющее имя Джермандо. Но его, Верхертъ, самая по, дробная и вторная исповядъ, козорую Тёре отъ тогда приметъ, переноситъ наеь впоинтъ на радиуро поеву и въ насродящее, въ поносубъ Тёре. X

II. Тёре въ Веймаръ, его 1-й веймарскій периодъ.

(Съ 1775 г. до сближенія съ Шаммерманъ въ 1794 г.).

Како ни опасны могли быть гезуре бурныкъ адво, каекиль года во Франкфуртхъ для выужренило укрян, лениъ Тёре, въ его поэзи они оставали неизгладимые следы. Его лирика высвободилася изъ цюпей лейн; цилскай моды гоубко впервые въ Сзрасбургъ. Видомъ въ сзраежной птоинью „Мое сердце билоет“ (Es fließt mein Blut) родилася прелееуная поека „Mit einem dinstel, ein binstel“ (Съ краешенного лемзого), вьткенъ итальянскон аматронзика. Сухозворенія къ Фридерикк были полны лирики, гармоний и чиезого восзорга къ воз, модленной. Сухозворенія къ Мили диттерлебуотъ скорные драматически. Видно, что она боразетъ. Но она хозеза вырвазетъ, то она покидаеть сопрозубленіе, но она всегда возбурндаеть стюшанной чувезва. Мы узнаёмъ, какия силы его приковывають: расцвотъ молодоежи, милый образъ, взглядъ, полный вьтмоски и доброты, глосъ, итаніе. Мы узнаёмъ законе, что его сердце: пустая

жизнь, невыносимая муча, которая ее окружает, целый
 зверинец ее поклонников, разветленно разнесенное
 эпическое кокетство, которое она должна держать с со-
 кой. И развиваясь от отца широко в параболу общее
 фразанское состояние, или вырывается из его груди только
 грустной вздох: победою перед нами своей вынужденной
 разлад, неразрешенной, мгновенной, как это и должно
 быть в мире. Это только вырывается из его сердечной
 жизни. Она рисует своего возлюбленного, но не себя: для
 этого у него были другие формы, эпическая и драматиче-
 ская, в которых она продолжала своего исповедь, на-
 кажу Вейсманнкова. Адвокатура его не удовлетворит.
 ла. Срамота. Все же, что Франкфурт не было
 для него находившимся полем действия. Многомилли-
 онай замечательные путешественники, которые его посетили,
 не могли дать ему того, в чем он нуждался дома. Она
 удовлетворяла себя со всеми сторонами совершенности, ско-
 ванности. Оударся исключительно призыванию поэта
 она не могла. Всевозможная подобная нужды создава-
 ли совершенная и трудная полнота. Когда во
 Везларе его сердце запылало в Лодви Бурфорт, не-
 востро сезнало Кеснера, то почувствуя это планя по-
 могли зверской характеру доблести, знаясь к женщине,
 наконец, отъезд и выехать разлука. Но когда во Франк-
 фурте она очаровывала доблестю и сущности, пробуж-
 дала страсти, которые не могли разделиться, возбуждали же-
 ланий, которые не должны были удовлетворить; когда
 она была близко сошлась жить с одной прекрасной,
 секретной доблестю, что его родители судили по-
 молвки, из которой, однако, ничего не вышло; когда во

Другими мисльми его неодолимо привлекла блестящая личность Лили Шенеманн, и несмотря на разный возраст и разную принадлежность произошла похоть, которая она не приехала к браку; когда рядом с Лили явился уже новый образ, дубинка, которую он, по выражению его дневника, носил в сердце как осенний цвет. Жить, словом, когда изобилие любви и привлекательности его натуры постоянно увлекали его и дотлали его почти до конца. Мучительно, до это нарушало его повседневную жизнь, потрясало его радости, утешало самым болезненным изобретением. Разве я хочу для того на свете, - восклицалась она, - чтобы вечно пребывать без выноса выносов? О нем говорили, что на нем лежало проклятие Канта. Передавая это, она прибавляла: „Я думаю, что люди глупы“. Но она сама говорила о нем, видя в нем брата Эммануэля, который его любил. Все вынужденное и вынужденное движение, которое его волновало, видимо умирало; он был прав, когда в октябре 1775 года назвал золотом - что промедление мысли самыми разительными, запуганными, совершенными, полными, но и самыми чудными и нечестными в своей жизни.

Удобрение пришло из Веймара. Приглашение к Веймарскому двору, которое он принял в поезде, перенесло его на почву, в которой он навсегда бросил корни. В Веймаре жила Кристина, подруга его, женой друзей оставшим Эго Среда.

В Веймаре Гёте начал свое произведение великий переворот. Учение Руссо, программа „Бурных суждений“, суждение к природе во всем проявлении жизни

одевали маленькій дворч. События склонности герцога были усилены влиятельны Тезе. Не боялись посягнуть прозвуть эпископа, викария придворного палатника, добавили косячить Веррера, сапоги съ озворожали, синій фракъ и шалый шпаль, сгаралие себя закалихе, бы, вали много на шезонъ воздуха, находили удовольствия въ долгой ходьбѣ, естелой верховой воздѣ, погонимъ бы, гѣ по лѣду и въ азартной охотѣ, ганцовали въ деревнѣ съ кресельскими добушками и прогуливали иногда ноги. Это было сумасбродное время. Самъ Тезе въ снѣдствии неохотно вспоминалъ это время. Но оно на всего шизия приобрѣло ему дружбу герцога. Въ есидневнѣ, пошѣ одязеніи сердца раскрывались, и Карль-Августъ, челоства съ рано сложившейся волей и вырывать взглядомъ на людей, увидимъ въ немъ челоства, ко, зорый мозиеръ сразу позволилъ слугой его государеву.

Тезе спѣшила явилей зомско госудель герцога; ко въ здомъ свободномъ положеніи отъ узне доезишь, какъ мы знаемъ, приглашеній Тердера, лишь въ июнь 1776г. Тезе поступилъ на службу и зарылъ въ его рукава бы, имъ важнѣйшій крутимы всей администраціи. Отъ при, вель въ порядокъ финансеи и повзоду зредовали беремъ, швоери. Отъ поступалъ по правиламъ своего прекраснаго срихторверенія: „Hal sei wie Wulff, filtraij und zif“ (бля, городничий бѣтъ челоства, соорраделъничимъ и добрымъ). Отъ сгарался подкыръ низшие классы, даръ силу гуман, нѣмъ принципамъ управленія и, факимъ образомъ, осу, шезервиъ либералниче идеалы своей юности. Шарокавъ дѣлѣмъшохъ досравила ему зо удовольствование, котораго не могла даръ ему адвокатура. Проблема зическое въ его

науку и искусство. Служба еднородна со званием и посыл, добродетельна. Мерзвост собой на слуга, Тезе воодуше научил самонамерзванием. И когда отъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „золото зоръ дозрости и можеть господствовать, кто способенъ отречься отъ самого себя;“ отъ писалъ это по глубокому опыту.

Придворная жизнь законче повидна на него бла, гонимому. Дѣи^{во} первое веймарское время отъ велъ съ герцога, такъ сказавъ, студенческую жизнь, го въ обращеніи съ благородными немецкими, какъ герцо, гиндъ Муза и зема одеръ-шталмейстера Швейна, отъ научилъ цѣлитель управленіе дозрости и слѣдо, вартъ его зредованіемъ. Необходимость соединить формы обращенія казалась ему генеръ болѣе благомъ, и аристократія, которая научается шкъ съ дворянъ, каза, лась ему цѣлитель одушевленія. Какъ и въ цѣлительное вре, мѣ средне-верне-немецкой литературы, (въ Веймарѣ) поэты снова сходили какъ равные съ равными въ выс, шемъ социальномъ слѣдъ слѣдъ народа. И какъ митне, зингеры восхваляли облагораживающую силу любви, такъ Тезе узнавалъ ее на себѣ и съ благодарностью споз, рталъ на одну знающую немецкую, въ которой, какъ отъ думалъ, отъ открытъ и написанъ все, что готовъ въ своемъ земномъ предѣлахъ высокаго счастья на, зиваетъ божественными именами. Отъ сравнилъ ее родомъ съ Шекспиромъ, восклицая: „Lida! Glück der welt, Frau Kind, William! Mein das Frauen Zofe, ein omdankt' ig, und ig bin!“ (Лидя! счастье близкайшей близости, Вильямъ! звезда прекраснѣйшей высоты, я ванимъ обязанъ за то, что в генеръ!) Отъ шло въ виду Мар.

виденной, когда за нее сватаются други Вильгельма, а она ни за что не хочет расстаться со своим браком. —
 Перенять периоды „вергеризма“ и перенять на современ-
 ников, из когоры многие еще продолжали жить
 греческими идеалами Вергера, Тесе сочинил для одного
 из спектаклей пародию на пресидею себя над ике-
 кель, „Das Fräulein des Fräulein/Präsident“ („Триуналь-Тор,
существо губернаторности, 1772), драматическая маска
 в тесере донсервилье, написана в стихах и прозе и
 закончена переиздать раскраску для шутки, когда и лицо
 „полориситского короля“ Андрасона и принца Сронаро,
 развозящего безды с „искусственной природой“, когда
радо возды за ним в Анжикаль и раздавливать
радо, одн он осудавиваезд, не лишь осудавив.
 Эго мелод сказа одна эне об искусственной
женщины, д.е. прозо кукль, котора как не ведоду
сопровождает принца, как предмет его любви, и
отказываясь наблюд разными вздорными рокатами
рой эпохи, между когоры Тесе попытки и своего
Вергера. Фабри этой пародии зако: маска перед
нами пьянкой самодостойный принц, получивший
обращение от здоровой донсервильности. Он не знает
ничего общего с природой настоящего, в когда,
рой много неудобств и неравносест, и затем ее
природой подгальной, котора устроив в свои
контрасты. Он считал себя кукль, изобразившую
любимую мать дочку, и обидел ей в любви,
когда эне явил оригиналь портрета, он испугал
и убеждал к милый безответной кукль. Концы
этого фарса — ниже назвать эту мелод — зако:

кукла распарываеся, и изъ ней выматается книга,
(между прочими и Вертера), ее довольно толстого на-
тисно. Ныскольско веселыхъ сценъ между придворны-
ми дамами не выкупаютъ наряднѣею, исправдо,
погодить и скуки всей пьесы. Любопытна зольско идея
пьесы: чужеземность противуположаеся любви къ
естественной природѣ и дѣйствительной жизни. Пародія Эфа
послѣдствъ показана очень остроумно.

„Liszt und Roufa“ (Шуцка, ковачество и шесть,
1785г.) оперетка въ четверть дѣйствій

„Эрпенор“ (Эльпеноръ 1781 и 1783 г.). Въ Эфой трагедии
суть завязка, основанная на мифологическомъ преданіи
объ удійствѣ сына Анхизы, но нѣтъ ни конца, ни раз-
ясненія: сынъ ли ея Эльпеноръ, или посянокъ. Пьеса

написана для герцогини Луизы Веймарской по случаю торжества рожденія

„Liszt und Roufa“ (Шуцка, ковачество и шесть,
1785г.), оперетка въ четверть дѣйствій, — хоръ раз-
замудренъ, но все-таки не совсѣмъ пухлой фаресъ. Тмосъ
выманить деньги у ехучаго доктора, интриганка, придя къ
пекну какъ болѣвая и приидя оъ него лекарство,
подмысываетъ его банкой съ лимонкомъ, позомъ
призываетъ, что умерла. Доктора дуетъ пѣтсдесять
герботцевъ интриганку, чтобы роза займо внесетъ
зреть и броситъ въ воду. Позомъ интриганка оти-
ваетъ и предуетъ еще сколько ей денегъ или грозитъ
донести, что она ограбилъ ее. Все это очень длинно,
мало правдоподобно и мало-интересно, но все-же со-
держитъ изобиліе поэтической силы, весьма даже,
розоваго кантрика юмора.

наследного прин-
ца; она-неокопи-
чена; составлена
зольско первая
два дѣйствія
и факъ озагла-
въ 1798г. позъ по-
казалъ Эфорофралъ,
нѣмъ своему другу
Шиллеру какъ при-
нѣтъ недроганого
стоснеза. Шиллеръ,
не знавъ, что
Тѣре-авторъ Эфого
ограбка, Билъ роза
интонитъ, что Эфоро
фрарнентъ, — хоръ
онъ зольско дилле,

позволяетъ хроническимъ оупки — все-таки воспоминаеся о хорошей шкони.
Эго произведеніе, говоритъ она, свидѣтельствуетъ о нравственно образованной душѣ, и красне-
нотъ и удовлетворенно въ нѣ о допикѣ. Хорошій образцовъ; оно воспоминаеся объ извѣст-
ной шиллеровской оупки (чужеземъ), но нѣтъ роза, сколько и интрига позма и въ интри-
эфоро озравокъ позмилъ зольско въ 1786г. въ четверть дѣйствій Тѣре. (ср. K. Goedeke).

и гуманность, которой отъ души, носилъ кризисанскую окраску. Терза Мозера, роза и кресты, подвизаясь и здѣсь, какъ священный символъ: крестъ обозначаетъ се, попомерзновение, „первую и послѣднюю добродѣтель въ которой заключены все осязательныя“, какъ впоследствии съвѣтъ сказала однажды Тѣзе, роза указываетъ на пре- красные цвѣты жизни, которые ози нею происходятъ и благозвучнось которой Тѣзе сама поучивалась въ очищеніи своей жизни, въ повиновеніи своего не, кресту.

Сношенія съ веймарскими друзьями возвели Тѣзу до высшей поэтической формы. Вели Виландъ выработалъ сѣмя, до Тѣзе въ „Посвященіи“ („Zuwendigung“) и въ „Тайнѣ“ саралелъ о болше суровомъ покровеніи. При содѣйствіи Тердера отъ развили зако- ны илгеронтова Ямба, и какъ въ началѣ воемиде- свѣтъ годовъ Тердеръ началъ переводить изъ греческой антологіи и объяснялъ красоту греческой имитации въ то самое время, когда являлась немецкая Одиссея Фросса, такъ и Тѣзе обратился къ двусложному и гекза- метру, тогда какъ прежде отъ никогда не употребляли сурово анципальнъ метровъ.

Въ продолженіи первыхъ двенадцати годовъ пребы- ванія Тѣзе въ Веймарѣ нечего было думать о произведе- нии чего-нибудь капитальнаго, благодаря незначительному ряду всякаго рода увеселеній. Кроме того Мозеръ Тѣзе вовсе не было снискурой, такъ какъ сама не могла получать знавательнъ даровъ и находить, что практи- ческая дѣятельность не только не вредитъ, но посто- янству его зворисебу. Впрочемъ и въ это время было

написано или нисколько капитальными произведениями: „Эмоция“, „Ирригация“, „Массо“ (последние два в первоначальном виде — в прозе) и романы „Вильгельм Мейстер“, „Гасер: „Учебные годы“.

Начинает в 1786г. Тезе срама, мало-помалу, освобождаясь от ора официальной-веймарской службы и отъезжая в Италию. Публичными лекциями были: „Итальянское искусство“ („Jahrbuch für Kunst“, 1786-1788), сбор образцов публичных записок, окончательная оратория трагедий „Ирригация“, „Эмоция“ и „Шоркваро Массо“, переводов помя „Римский элемент“ („Jahrbuch für Kunst“, 20 номерова, 1788г.) и „Визитация кув Венеция“ („Vierteljahr für Kunst“, сра три номера, 1790г.).

„Эмоция“ („Эмоция“), задуманной еще во Франции, фрурга на майна в 1775г., похоты продолжительной в Веймаре в 1778г., были окончены уперя, в 1787г., в Италию. Трагедия эта имела бытие сценического значения. Эмоция была сиюто написана прозой; однако позднейший часки видоизменял драматический ритм. Первоначальное изложение, в духе Шекспира, внесло, срава скомверя бытие идеализирующим законам. Пьеса задумана была во имя свободы, какъ Теза. Она была кув пехорин ораторских Нидерландов ора власти Иена, нин. Грабула яа закова: Оубаитвий, смелый боеца за свободу родины, граер Эмоция, возста на кроживь Ирак, наго злодея, клеветра еще бытие итускаго зираса Фралиппа, короля Испания. Ора рудовь и забора по дому освобождения оучесува Эмоция судиларь на груди проской добушки кув народа, Клеркемь, и для кев подвергаеца опасностям, оубаеца в Брюссель.

(Эго прозвонорычуть негорин, козорая говориць, что Эг.
монъ былъ задержанъ въ Брюссель подобно къ своей
жени и многочисленному семейству, въ то время, ког-
да все друзья его, приверженцы оранскаго дома, спаслись
Бюсселью). ^{Герцогъ} Албта обвиняеть его въ неповиновеніи коро,
мо. Эмонъ восстаетъ заступникомъ правъ провинцій,
нарушеннаго герцогомъ. После рязкаго разговора объ
Эмонъ съ Албото, Эмонъ арестуеъ, обвиняеъ и осу-
ждаеъ. Клерксонъ (Клара) возбуждаеъ народъ освобождать
графа Эмонъ, но возстаніе не удаеся и, передъ казнью
Эмонъ, Клерксонъ, притявная передъ судомъ Яго, явля,
есть въ землицу усмьвшему графу въ видѣ богини
свободы, плавающей въ облакахъ и предсказываеъ по,
боду родитъ въ борбѣ, первой смерью козорой на,
дкерь Эмонъ. Когда ^{онъ} его уводять на казню, масса окан,
чиваеся побѣдной симфоніей.

Драма, Эмонъ, до извѣстной степени, являея какъ
бы продолженіемъ Тѣза ф. Берлиингтона: здѣсь, какъ
и тамъ, перо смерьюеъ собою для блага общаго, которое
въ глазахъ зрителя являеся насроко проблемати,
мысль, что возмозноеть его доуказистикъ на миръ насть
съ душевными страданіями и иуделью выдаеяеся
именоеи. Видно, что въ продолженіе 16 мьръ жизни
и наблюденій многіе Тѣзе о долговѣ несколько не повѣ,
силоеъ, зодка какъ его поэтическое дарованіе, способное
создавать идеальныя характеры, очиняеъ и облагора,
живаеъея думу чужаея, безконечно увеличилось.
И самъ безумнодоборливый Эмонъ, вѣтъи мобилій
и вѣтъи мобилій, и Клерксонъ, козорую чьераъ мо,
бодъ возвомаеъ до совершеннаго героизма, — въ

гласной смерти идеальной лица, что только одна зомбированная черта отделяет нас от невозможного.

Пьеса была написана прозой Гираново, как и "Тезе фр. б.". Но, сделавшись центром нападения испанских насильников над нидерландскими правами, испанскую неустойчивость к прощанию, испанское коварство прозой открытого доверчивого героя, пьеса перешла от гласной национальности к неустойчивости на больше или, рождая всемерно-неустойчивую зомбу зрелища. Легкая податливость и легкотворие массы и зрелищное ед, напоминающее Мексиканский народ в "Цезаре", показывает, что и в юности Тезе понимали свободу не в многовещности. Поставив рядом с ревностной католической-регентшей зрелища светского сочувствия, который не даром носил имя Маккиавелли, и наем, как, что Вилгельм Франкский сражался на второй до, рога, Тезе давал понять, что он не только о политическом очень реалистический предостережения. Поэтическое очарование и политическая целесообразность находилась в споры. Эпиграф — характер поэтический. Он, хотя и отдаленно, напоминает Тезевого Фрэнсиса в "Сел. м." или даже Курганова в "Классический фронт Вилма Белла". Эту символическую легко и отнюдь завоевывающую в сердце. Это демоническая необходимость всемирности на, ради, опущивая прощание доверчивую, как Клеркент, подкупая регентшу и покоряя сына его отчужден, ного врага. Все, как зеркало, сражаясь вокруг него и символично образуют его образ. Но в лице любви приближается гибель; и Эпиграф гибель из-за рога, что отдаленно поэтическому легкомыслию своей природы

и пренебрегать совратами благоразумия. Они до конца на,
дверей, и какъ какъ у него охрифта бедкажд надежда на сна,
семе содервенной жизни, они надеются за свой народъ. Они
носятся въ своемъ сердце его идеальной образъ, который
не согласуется съ действительностью, какую мы передъ собой
видимъ; но эти доблестные граждане Брюсселя, которые
орудуютъ передъ солдатами Ялбы, не нидерландскій
народъ. Въ немъ принадлежатъ и Клерхемъ, которые
навсегда связываютъ свою судьбу съ его судьбой, умоляютъ
на его освобождение всю возгорелность своей природы,
сражаются возбуждая на улицахъ толпы, когда все напрасно,
умираютъ раньше возмоденного. Умираютъ герои
во имя являющейся свободы и носители сердца Клерхемъ. Но,
эти оставляютъ насъ утомленными, и даже суровую гра.
гедико неумолимой судьбы они смягчаютъ силою закона.
Этихъ Тёрс не оставляютъ посылать себя, какъ нехори,
чекскій Эмоуль, печальную вдову и плачущихъ дочерей;
они умираютъ свободно и легко, какъ фриульрапортъ, а
ту, которыхъ они любятъ, находятъ снова на томъ свете.
Какъ уже сказано, всеа оканчивается подвальной симфони-
ей, „Этихъ самоубийствъ въ оперный миръ“, какъ
назвали Шиллеръ эту действительную неумолимую заклято-
кительную алогорико трагедию, въ которой водиле много
личности сценъ, много вступившихъ между собою, и
осетъ мало действий.

Въ одномъ отношеніи Тёрс никогда не измѣняли
идеалами Верреса: спалкиваются по служебнымъ обязан-
ностямъ съ просвѣщенными народами, они по предельному ор,
носятся къ нему съ горячей симпатіей; они сжигаютъ кресло,
яны самыми полезными и нравственными классами общества.

Интересен масса Боднякова отъ срабури выше великихъ друзей. Отъ работа надъ „Ирменией“, когда въ нѣсколькихъ рѣдкихъ мѣсяцахъ герцога открылся голодъ. Отъ бр., сего работу: „до Ирмении ли земли, когда мрура люди отъ недоездки въ Сладость! Сладкий царь мюнезь и по, доидать.“

Первую, прозаическую редакцию этой драмы „Ирмения въ Табриди“ (Irmenie in Tabris) Тѣзе окончилъ въ 1779 г. Пьеса была представлена на придворномъ веймарскомъ театръ, причемъ Тѣзе самъ игралъ Ореста, — и имѣла большой успѣхъ. Въ слѣдующемъ году отъ перенесенія ее сценики, заставъ онъ переработать прозой, наконецъ, въ 1786 г. въ Урали, онъ перенесъ въ сцену, имѣя въ виду сценичныя удобства. Главную тему трагедии Тѣзе взялъ у Эврипида (Эврипида), но передѣлалъ ее до того, что Шмидтъ назвалъ эту пьесу „удивительно не греческою, а современною“. Вотъ въкратцѣ содержание: Въ святилищѣ рождѣ храма Дианы, въ Табриди, дочь Агавеллоты, Ирмения, вспоминаетъ о своей далекой родинѣ. Аркаси, наперсникъ царя Табриды Шоаса, говоритъ о любви къ ней царя и советуетъ выйти за него, она отказывается и ему и самому Шоасу, открывая царю, что она изъ рода Табузала, въ козоровѣ совершила сакры унасныя злодѣянья, бразодѣянья, кровостопленія, наконецъ — угроженіе Аркасию своего брата Писса — зюлаки его двухъ сыновей. Позомъ она говоритъ ему, какъ ей оцѣнъ Агавеллоты пришлось въ Авиди приехать ее въ мюнезь Дианы, гмодъ перосить у бо, гими попузныи вюнезь для его кораблей, стюмивши въ Трото. Но Диана спасла ее и перенесла въ Табриду.

Мессазра на это признание, Тоаса все-таки уредует ей
 руки и, снова получив отказы, приказывает ей возродить
 вить старинный обряд перед статуей Дианы и приносе-
 сти ей в жертву двух чужеземцев, которых буря
 выдросила на берега Тавриды. Это — Ореста и Пиллада, бе-
 стыжные о печальной участи, или омидающей. Ореста го-
 тов умереть, Пилладь хочет жить. Видя предвсмающую
 Моригеню, Пилладь просит Ореста удалиться, а сама оста-
 ется, чтобы узнать, можно ли ей вторгнуться. Поэтому она
 называет себя и друга возможными именами, но на вопро-
 сы ее о Трою, рассказывает о ее падении и о смерти Ага-
 мемнона. Позднее Ореста сама подробно рассказывает Мори-
 гению о смерти Клитемнестры и сознается, что она Ореста.
 Тогда и Моригеня открывает ему, кто она. Ореста качает,
 когда мучит друзей, отца надеясь в божество на землю, Мори-
 геня бьется за Пилладю и обитывает иль, что она,
 сестра иль. Аркась сообщает ей, что, что царь и народа
 ее нехотят видеть иудеть принесения в жертву чуже-
 земцев. Моригеня отвечает, что на одном иль пришла,
 цевь лезить проклясть, его мучают друзей даже в яра,
 мть и отец оклеветал своим присущившим святым
 богини, поэтому прежде надо ознести статуе богини
 на берег моря и залить оных се водками, совершить
 замесветное освидение, при котором никто не мо-
 жет присутствовать, кроме жрицы. Пилладь, вернув,
 шийся с морского берега, рассказывает, что нашла
 залу спудожков, сарывших свой корабль за бурой
 и готовых помочь богине. Моригеня видит Тоаса
 и вырванный голос говорит ей, не обманывать ца-
 ря, обходившаяся с ней как с дочерью. Пилладь

напрасно стараеся убадць ея, што гэта абману побуды, ея неабходнаеся. Выхаваная адна, она молюць бога, штобы они не дали неамавскаму овладць ея сэрцаемь. Тэаея, коророму Аркаея сообщилъ о своенъ подозрѣннѣхъ, велитъ осмотрыць все берать и схавать скрывающыяся на кельи гунеземцевъ. Являеся Иригенія, и между ними происходитъ сцена, въ которой оба выказываютъ гневъ, неамавскія гонимыя гунеземцы. Являеся Орсея и Пилатъ, за ними Аркаея — все съ обнаженными мечами. Той сговоръ всыхъ, ницъ, но Тэаея приказываетъ велитъ удалиться, пока она допроситъ Орсею, и охранитъ ея кельи и Иригенію. Убадывшись, что передъ ними сынъ Мамелюка, Тэаея все-таки хочетъ решитьъ поамавскому вопросу о гонимы, кому должна принадлежать сестра Дианы, которую хотели похитить греки, но Орсея отказывается отъ нея, что иль были ошибочно приняты слова срагула, приказываемаго привезти изъ Тавриды — сестру — не Аполлона, з.е. Диану, какъ она думала прежде, а сестру его, Орсею, Иригенію. Иригенія также умоляетъ Тэаю: „Вспомни, царь,

„Ты дашь мнѣ слово, зрится же мольбами
„Изъ вѣрнѣе и правдивѣе изъ мольбы!“ — — —

Тэаея: „Свободны вы — идите!“

Иригенія:

„Ночь, не жаль,
„Мой царь! Бегъ злого благословенна . . .
„Пусть боги, за дѣла звыи и милость,
„Воспойто воздадутъ зѣбѣ Свалу!
„Проси ты, царь! Взгляни на насъ и добрый
„Привозъ прощанья велитъ намъ возвращи!
„Тогда и вѣтеръ зиме будетъ вѣтеръ,

„Наши паруса наполняй, и слеза
 „Отрадные изъ глаза коихъ ползаетъ.
 „Прощи! Въ залогъ схаринной нашей дружбы
 „Дай руку на прощанье мнѣ!“

Тюрасъ:

„Прощи!“ (Это конецъ кессы).

Какъ далеки все эти характеры и самая развязка драмы отъ трагедии Эврипида, видно изъ сравненія обѣихъ пьесъ. Но среди Тѣре, хотя и полное современное чувство, остались образцы высоко-драматической поэзии. Они доказываютъ, однако, что во векахъ своихъ драматическими произведеніями Тѣре скорѣе лирику, чѣмъ драматургію.

Все-таки въ этой пьесѣ Тѣре всего замѣтное выразилась его нравственная зрѣлость и правильное шло на 31 году жизни намѣреніе „отрешиться отъ половампароски и рожделно образится къ цѣлому, доброду и пре, красному.“ Въ „Ирменіи“ больше всего друзей произ, беденій Тѣре указываетъ на нравственное огмщеніе ея авро, ра и возвращенія его отъ революціонныхъ идеаловъ юво, эти къ погтеннымъ преданіямъ Возрожденія. Эти идеалы не были чужды и его покоски, но они никогда еще не оу, давался мнѣ замъ всецѣло. Бѣли некогда отъ созрѣвал, ея въ Тѣкиловъ, до генеръ она едталалелъ ученикомъ Софокла и сзаралелъ превзойти Эврипида, когда въ Эврипидовой землѣ, „Ирменіи въ Тавриды“, влговеръ влгошляло ронше, ния, которое допускала древняя сцеза, сзаралелъ найти до выуэреннее, какого зредельъ мѣ. Они не мочь повозо, барсея зомъ денъ ехъ машина, которои? дирдуеуеъ разум, ннй законъ неизлечимо собравившиелъ мѣдвнѣ; но, этому она преобразовалъ людей, снлвглнѣ прозривонолои, носзе мезиду Эллинами и варварами и представилъ царя

1) Ich vom Göttern zu kultivieren,
 Was im Göttern, Gutem Schönen
 Viel...

Таврида ~~за~~ ~~с~~ ~~е~~ ~~р~~ ~~а~~ ~~х~~ ~~а~~ ~~м~~ ~~ь~~ ~~б~~ ~~л~~ ~~а~~ ~~г~~ ~~о~~ ~~р~~ ~~о~~ ~~д~~ ~~н~~ ~~н~~ ~~ы~~ ~~м~~, что его можно считать способным к миролюбиво и можно пожать мирной коннице. Тезе извещали смысл изречений оракула; они обдумали основными пунктами всея возвращение Ифигении и исполнение Орекса; они указали в будущем Орекса двойное служение; и замесовали изъ Сосрокла. Триноклеза тонкий психологический возврат, когда Мерменей соглаша, едет приехать уаерие во лжи, но не можеть выполнеть приказной роли, говорить правду жаль, где это всего опаснее, и именно зрелище привлекаеть согуверие врасидебного царя. Мрачный Орекс и чистая Мерменей согласны во этой правдивости и преданности, между жаль какъ отъез, ный, ситловый и разсудительный Пиладъ, самоотвержен, ный другъ, непониманной героической силы, вздым себя образовать Улисса, предпочитаетъ изъ Сизроеми и благоразумия. Связуетъ правды и ея пользу при распу, зованнй затруднительный человетческый орноменнй Тезе, ворованно, чаето ощущаешь во Вейнаре и мертвоко выполняешь эту добродетель. Но во драме еще больше кро, едет перешагало: Орекс сестра жаконъ еще болыной, какъ Вер, Жеръ.

Но Орекса ~~з~~ ~~а~~ ~~в~~ ~~о~~ ~~з~~ ~~а~~ ~~н~~ ~~д~~ ~~а~~ ~~т~~ ~~ь~~ не воображаемый горести, и его силы неощаешь не боязнь действительности: на немъ лежить охранная вина и во немъ, какъ жель, гибелью обременен, ный греховно семья. Мерменей открываетъ царю Иоасу то, что она знаеть: счастье и высокопоторие двода, а также неслуховезво сына и внука и своего собственную судьбу, при, несение во смертью орудомъ и спасение божицей. Тогда Пиладъ рассказываетъ ей о смерти ораца, о вине мажери, а Орекс должетъ довершить это и самъ призвать гнусное

дало, убийство матери. Еще раз охарактеризовал его души
 возможностям, раскаяний и обращения к самому себе.
 Его уже кажутся советами покаянными, безумие обла,
 доблесть его чуждым; любовь сердца, козорах концы
 обманя его, отов принимается за вакханское божество;
 невозмож слова, козорахи она хотела бы его успокоить,
 вызывая только новый привидений; ему представляется,
 как она принимает его в смерть, и искали смерти, ко,
 зорое шить овладевает, страшно разражается над ним
 ного. Но он не налагает на себя руки, как Вертер,
 и сила измученного воображения, козорах толкает
 его в другой мир, дала его спасением. Смерть, по,
 сгинула хоря бы нестой, являет приключением. Ему
 кажется, что он видит соединенными в Элизийно
 враждующих братьев Аурел и Тизера, жалко Бродом
 Акаменкова рука об руку с Клеменсерой. Это
 свидание о злых мирных умерших, овладевает
 страхи, канцеля в его груди, и она кажутся несть,
 ление в обиды сердца. Троза миловала: „Земля
 благоухает символом, восклицает он, —, манит
 меня в мирской свой просвет, на подвиги, на ра,
 даясь новой жизни.“ И из совершенного драматического сердца
 драматичи плещет вводу, перед козорошь ^{про} надежд вядкое
 смущение. Вера в правду не обманывает. Она доверяет
 приключению с самой собою и прикосну его законе
 своим. Варвары и греки, боги и люди примирены: все
 заблуждения кончатся челоючностью и гармонией;
 челоючность расширяет свое мягкое сердце, как
 в „Наханы“ Лессинга.

Подобно тому, как Урсул виданями смерти воз,

вращается къ жизни, такъ Тезе освобождается отъ мыслей о смерти, написавши Вертера. . . Какъ Орестъ и Клитемнестра? говорили Шереръ, французскій Ифигеней, знаешь это и съ благодарностью высказываешь, такъ Тезе прославлялъ эту фронтъ-Штейнъ, какъ Благословенную сестру, которая вела его къ счастью, и благодарилъ ее словами: въ рваной английскій обидящае ценюкомалае снова надорванная грудь!

Ифигеней и Клитемнестра признаны одними изъ совершеннѣйшихъ произведеній Тезе и имъ изъ нихъ слагаютъ ее идеальны драмы, соединяющей въ себѣ доэпохея трагедии античной и новой. Но за предѣлами Германіи она не пользуется большого извѣстностию.

Ахиллесъ, очень высоко цѣнявшій эту драму, какъ художественное произведение, такъ не менѣе удивляется, что въ ней, кромѣ имѣетъ и др. взоросженностию подробностей, поэзіи, много ничего греческаго и что трагедія Еврипида, да несравненно драматичнее. Ифигеней — не гротанка, а высококонтрастная хрисіанская дѣвушка; Троясь не свирѣпый и коварный смельчакъ, смелоего котораго закрываетъ зрителя зритель за судьбу Ореста и Пиллада, а гуманной и простодушной челоуки, безуловно вѣрившей своему слову. Зритель нечего опасаться за участь героевъ, если она зависить отъ Трояса. Ахиллесъ правъ только отчасти. Ифигеней Тезе драматичнее Еврипида, вой въ томъ отношеніи, что у Тезе узель разрабатывается изъ характеровъ действующихъ лицъ, безъ помощи „бога изъ машины“ (Deus ex machina). Античное въ ней не ограничивается однимъ фактомъ: герой и героиня сражаются не отъ соубвенности недоедажковъ и не отъ

внутренней неудовлетворенности (какъ Вергеръ), а отъ
 бразидельной или судьбы; только судьба эта является у Тере
 не необходимой, какъ у грековъ, а съ нею при добрыхъ
 обстоятельствахъ и вѣрно въ человека можно сладить. Какъ
 въ Ларакдеръ. Ифигеніи, который выработался и отнесся
 въ горнило сраженій, такъ и въ личности Моисея немъ,
 здѣ не видать соединенія античного съ новымъ. Ифи-
 генія гласила судьбу, мучила ^{во} ненавидѣла боговъ и
 жизнь свою, но любовь къ правдѣ и прожата муче-
 ность даюць ей побѣду въ рясцелой борбѣ. Тоска оръ
 природы добра и чужда, но грубая среда и оскорблен-
 ное самолюбіе мучаюь единаго его мизантропомъ недоу-
 чиваго и свирѣпнаго варваромъ; однако же въ концѣ
 концовъ неспорченное сердце и доброе вліяніе окру-
 жающихъ возвращаюь его къ человѣчскому и сира,
 ведливою. Идея о томъ, что Арей и Тизеръ, Математикъ
 и Климентіева примирятся за гробомъ, идея не вполне
 античная, но и не вполне новая: это дальнѣйшее раз-
 вичіе гуманности Эллической въ сторону гуманности
 всечеловѣческой, такъ же какъ и заключеніе псалма, ко-
 торое кончается полнымъ примиреніемъ боговъ и лю-
 дей, варваровъ и грековъ. Это примиреніе, какъ справед-
 ливо замѣчаетъ В. Шереръ, въ точности воспроизводитъ
 душевное настроеніе Тере; но едва ли можно согласи-
 ся съ нимъ (говоритъ А. Киршичъ справедливо), что
 поэтъ намѣлъ закоюь же душевный покой въ «ссури»,
 или благодарять фрау ф. Шрейнкъ, какъ Орелъ на груди Ифи-
 геніи.

Подразнавшій грекамъ силу юности Тере является здѣсь
 омищеннымъ, уравновѣшеннымъ и вѣдь приведенъ къ

ровному совершенству, которого еще недосягало перво,
начальными набросками. Въ низкорослых герцах Тёре
и соприкасаясь съ отрывками пьесы Расина (1639-1699),
начавшего также писать Коринтию въ Табриде. Но
между ними какъ у Расина почти всегда любовь явля,
есть роковая, которой приводитъ въ зависение вышн,
нй заурядности и столкновение страстей, го у Тёре
любовь играетъ здесь ролью незначительную роль: Тоса
увлекается Коринтией, но, что было какъ близко, Пилата
не восиламентация любовью къ ней. Греческая же
лания не столько ружь мнѣра; а въ Тоса она подвид,
ужь только для того, чтобы дать мнѣра самоубиенно.
Тогомъ также изманы свои подобныя президе ерлжно,
веня великодушнй. Оресь и Пилата не поухатохъ ни,
какого поводъ ^{въ Тоса} взаимно стремясь къ смерти. Вышн,
наго дѣлѣннй почти нощь. Все заключаетъ въ выч,
временнй судьбы первоначальнй, но высококравеувенннй
людей. Они борядя не съ низостью, не съ подлостью, а
только съ амаланннн, подуденнннн, ^{первобытно} совершен,
наго сердца, чтобы показать податочную силу самоуб,
верженнй, самопродолженнй. Своей Коринтией, говоришь
В. Шереръ, Тёре создалъ новый родъ драмы, которую
можно было бы назвать душевной драмой и которая осо,
бенно соотвѣтствуетъ тому периоду поэзи, когда болн
производитъ лирика, тѣмъ драма, и когда Германнй,
какъ сильно увлекаемая выужь со времени Реформации
и низрнзна, задвѣляетъ своего особеннаго. Впрочемъ
это и призна, что да предстали Германнй, Коринтией
не пользуется болншого извѣстностию. Но даме строннй Шереръ,

называетъ ее, не только (Гиль и техника, Коринтией въ Табриде продолжна,
однимъ изъ лучшихъ произведеннй Тёре, но и однимъ изъ лучшихъ перловъ всемирной
литературы, въ которой рождаетъ глубоко низость души и классическая красота
формы сливаются въ единство первнннго художественнаго идеала!

поэта въ „Торквато Тассо“; и въ „Торквато Тассо“ Тере
 законче даде душевную драму, погрѣшающую трагедію, гдѣ
 несчастіе исходило единственно изъ вѣщери. Все произ-
 веденіе „Торквато Тассо“ законче вышло не сразу; въ Ита-
 лии Тере видѣли съ собою только два акта въ прозѣ (съ 1780
 и 1781 г.), а обработка въ итальянскомъ Ямбако, начавшая
 въ 1787 года, была готова только въ 1789 году. Трудъ участва,
 балт скорбѣ разлуки, мученій доски и губево изнан,
 ника, съ козорины Тере оидывалась на Италию. Но ему
 не легко было вернуться къ своему, и онъ положилъ
 на него заболѣвающее изученіе: онъ только воспользовался
 многочисленными драмами изъ жизни Тассо и вози-
 вали его сибозворотнѣ, измѣнннѣ, комбинировалъ и
 собралъ въ напечатаннѣ. Наконецъ все объединяется
 благородной красотой оудалки. Возь содержание драмы:
 Тассо только-то окончилъ свою поэму „Свободомѣ-
 ннѣ Ферудалинѣ“ и приносилъ ее герцогу ^{Феррарскому} Алессандро II
 Феррари. Герцогу приносилъ поэму съ восхищеніемъ
 и его супруга, принцесса Элеонора, надѣялась на вѣнчаннѣ
 вѣнчаннѣ на Тассо. Выходилъ Антонио, секретарь герцога,
 только-то возвратившійся изъ путешествія въ Римъ и
 рассказывалъ о Римѣ и папѣ. Тассо передавалъ мечтатель
 и надеждѣ, что принцесса вѣнчаннѣ его, но въ бесѣдѣ съ
 Антонио надроемнѣ его духа измѣнялась. Въ словахъ
 секретаря онъ видѣлъ наслѣдннѣ надѣ нннѣ и его поэ-
 тическимъ даромъ и поэтомъ оскорблялъ его и выжи-
 вая на дучѣ. Точнѣ озвочая, что дворецъ — святое мѣ-
 сто, и драмъ съ еунастеднннѣ не будетъ. Тассо одна-
 онаерь ипагу, предворнннѣ непросилъ прощенія у свя-
 того мнѣра, но входить Алессандро и, узнавъ о сорѣ, при-

суднаеца поэта къ архезу въ его комнату, но, по поруче-
 нию герцога, Антонио долженъ возвратить ему свободу.
 Тассо хочеть теперь покинуть дворъ. Следующъ разго-
 воръ Леонора Самбизеле сначала съ принцессой, потомъ
 съ Антонио, и весь вернуеть только на томъ: надо ли
 на время удалить Тассо изъ Феррары, или нѣтъ. Прин-
 цеса не соглашается на удаление; Леонора хочеть увести
 его съ собою, надѣясь, что они будутъ воспитавать ее одну,
 какъ Феррарка Лауру, а склоняется принцессу къ по-
 ѣзду повозна на лунное сиденье, которое не трясеть и
 не разливаеца вокругъ себя ни пламенными жема-
 ний, ни воскоргови. Въ разговорѣ съ Антонио Тассо
 проситъ того, чтобы онъ выпросилъ согласие герцога
 на отъѣздъ въ Римъ — итакъ онъ самъ пойдетъ просить
 объ этомъ. Герцогъ соглашается на отъѣздъ Тассо, за-
 тѣмъ поэту приходится проситься съ Альфонсоми.
 Герцогъ соглаеца поэту поскорѣе возвратиться. Прин-
 цесса прощарсета и принцесса, но по слоу некоего
 фразета, изъ королевы только одна: „я не могу жедъ
 покинуть сердцеми некоего поэта, Тассо вдругъ
 бросаеца обнимать ее. Она охватываетъ его и убѣга-
 етъ, за ней бѣжитъ охотда-го въываеца Леонора, въ,
 бѣгаеца и Альфонса, а Антонио кричитъ: „завѣ, завѣ
 отъ! схватите его скорѣй!“ и тоже убѣгаеца. Соувше,
 муча Антонио Тассо начинаеца говорить попомощи, въ
 королеви бранивъ вѣдѣ, герцога, принцессу, Леонору.
 Драма оканчиваеца поэтическими сшибками:
 „и смели полчить мной, въ бѣдѣ,
 „Что мнѣ дано сказать, что я срадаю.“
 (Антонио, презвитій прощавникъ, а земскитій другъ, беретъ его
 за руку.)

- „Ты звезда и гилья, о благородной муринь,
 „А я — волна, вздымаемая бурей.“ — — —
 „Со всеми сторонами уме грезить корабль,
 „Озорвано разбитое коринило,
 „Разверзлось дно — я кривою за гедя
 „Хватаюся обѣими руками.
 „Такъ за скалу свазаеть плывецъ,
 „Которая разбить его грозила.“¹⁾

Въ Тассо Тере рѣшалъ, какъ художникъ, проблему, которую волновала его еще съ юности: о французской положеніи поэта среди другихъ, обыкновенныхъ людей. И Эмонъ, и Тассо, несмотря на все свое индивидуальное различіе, выражаютъ разныя стороны богатой природы самого поэта въ его неподражи. Въ обѣихъ пьесахъ Тере конструируется историческая канва, но она не обуславливаетъ себя работѣ фразовъ, а властительно тѣ; перорія необходи- ма ему, какъ фронтъ, но художественная композиция и нрав- ственность для него важнее исторической. Композиция мѣста и времени выдержана превосходно, но не въ мелочахъ, а въ самомъ существовании: въ выраженіи руководящихъ идей времени. Композиция сдѣлана; поразительность мѣста удалена и она приближена одно къ другому. Стихотворный языкъ, который говорятъ греки первоначальныхъ времени въ «Моригеніи», чувствуется много младшему, часто острому, му придворному языку. Образность, которую Тере владела съ юности, беретъ золотыми нитками по художественной ткани діалога, а персонажи имѣли связывающае съ гармонической мелодіей выраженія. Несмотря на то, значительность внешнего дѣйствія, изъ него должно бы, но вытекало сильнѣйшее драматическое впечатлѣніе, но.

1) Переводъ „Тассо“ принадлежатъ А. Н. Добролюбу.

тому что ^{неприменяясь} тогда вторично пензенская владения, когда совершенно лишенная сценического значения.

Тассо была для Тезе ее доверчива близкий образчик, до, кимья изъ первый великий поэт, о которъ отъ воодуше слышалъ, и если у него самого являлся опытъ, что поэтъ слишкомъ легко переноситъ во внешний миръ образы своей фантазии, что она не знаетъ границъ, земности или предубеждъ отъ кедъ того, что она не можетъ даръ, и, какъ образчикъ, сама вызываетъ злословное сромк. повеніе, по судьба Тассо, какъ она передавалась по преданію, съ величайшей искренностью представляла драматическую жизнь поэта: недоверчивой чувствительности, дошедшая до грани преследованія; любовь къ недостижимой крим. цезе; удаление изъ круга, которъ однимъ далась его счастьемъ. Какъ смотритъ на поэта свѣдѣній и словъ, это Тезе могъ узнать изъ первыхъ рукъ въ свое ^{первое} пребываніе въ Веймарѣ. Какъ уже раньше у Ленца сказано, но, Ленцо и Тезе сближаются въ драмѣ Тассо; и прозвѣщая Тассо, сосударственникъ секретаря Антонио Монтеказинко, напоминая веймарскихъ прозвѣщиковъ Тезе. снова самоотреченіе, уравновѣженности, лишенія вѣдѣн, идущая всѣми предостановленными мудрой жизни. снова меншиной являющейся сранизационными правдивости и обычая. Какъ близость дозрѣва легко и охотно мѣста, идущая обратнаго хитрости и безумія. (wie im Buche, zambrotti vom Kniff und dafur im dorfrit hieft auch im willig felt), какъ величественная, живая принцесса, которая въ школе сраданій научилась жертвенно и оказывающъ поэту такое тонкое потиханіе, изгнывая его отъ возможнаго зрѣлища и направляющъ на изгнание

счастья. Она очевидно находилась в разрыве с Меркелен и 2-й фронт - Шрейвер. Но ей συμβαδ, склонная к ин, зритель подруга, Леонора Санвицале, желая сделать доброе прекрасному человеку, в то же время превращает его в игрушку и украшение для совершенной особы, принадлежащей к интереснейшим динамическим новым, много женского мира; и Тёре, конечно, сама не однажды испытывала такое эгоистическое участие на самом себе. Когда она заставила своего Тассо в красноречивых словах восхвалять Фреррару, то дала камешек на Веймар. Как и Тассо, Тёре видела мир в своих веймарских друзьях и долго писала только для них. Как и Тассо, Тёре могла сказать: человек не рождается, чтобы быть свободным, а для благородного человека может быть много счастья, как слушать государя, которого она уважает. И потому покровитель Тассо, герцога фредрарский, по своему правосудию, своей прямоте, своему рыцарскому блеску, по своему умению пользоваться любовью, долготельно сдерживал идеализированный порывы герцога веймарского, Карла-Августа.

Лучшими драмами Тёре считаются "Меркелен в Шавриде" и "Шоркваро Тассо", но и о последней имеются кризисов различны. Также Шерри называет ее произведением, в котором радостно, седмерично очисщенности гофрагубовит, победного поветво лабейсхва, кожа и со, знающая, что джизик ея половит блеска и красота. Судя, не это слишком прозко, и кожа драма написана для сценически придворившись и для двора, но в ней нашли много и много человеческия чужество и двисенсия. Вели "Джонор" по своему происхождению привыкает к "Тезу", то корни "Меркелен" и "Тассо" лежат в веймарских отношениях.

В то время еще 1789г. Тёре написала историческую сцену, "Das Carneval" (Римский карнавал).

Къ событіямъ французской революціи Тёре не оу,
 носился совершенно равнодушно. Внезапная, козо-
 рья на него произвели эту всемірно-перорическую со-
 бытія, получили поэтическую форму въ сльдующую
 драматическую повесть, какъ-то: „Великій Козра“, „Трагиданти-
 генераль“ и „Воздухидентное-Тревоженное“.

Комедія „Дитъ Грофкофта“ („Великій Козра“, 1791.) възда
 авторомъ изъ современнаго событія. Это — негоря миль,
 очнаго омерелья, въ придороженіи козорого Людовика
 XVI оуказомъ марки-Антуанета, но козорое задуманъ
 поднеси ей поклонникъ ея, кардиналь де-Роганъ.
 Извѣстно, однако, что омерелья не дошло по назначе-
 нію и было перебрано ловкими придворными мо-
 жетниками, подтолкнувшими между собой мильботный
 кучи. Изъ этого возникоу скандальный процессъ, оросив-
 ній зѣна на королеву и многихъ вельможъ. Одна
 изъ графинь-авантюристокъ была признана по суду
 воровкой и заклеена палачомъ на площади, но
 драгоценныя камни все-таки не нашлись. У Тёре
 паралельно съ замышляемого крадено омерелья,

унижающую Кардина-
 испорченности все-
 шить сословія, но и
 характеры набросана
 поверително, діалогъ
 и мюзивировка огенъ
 мало обработаны
 и даже не доизигну
 блтцайшій эффектъ
 шода въ обманщи-
 коу возбуждается ш,
 зеренная сила него
 доисрвдъ прикова,
 вали бы выина.
 ние.

быведены шарлазанскіе продолжки Каліостро, ду-
 ражившаго въ ро время высшій парижскій кружокъ и въ,
 дававшего себя за „Великаго Козра“, обладавшаго даромъ
 чудотворства, скончилъ ея духали и з.и. Каліостро
 ослѣдствъ въ комедіи огенъ ловко, но развѣдка ея
 забваръ мошенничества выверсъ ея омерелья, воз-
 бранцаемый ювелиромъ, — несогласенъ съ исторической
 и правдой. Комедія изобразилъ соседній — обходрилъ.
 ерва передъ французской революціей. Литературного
 знаменитъ эта комедія не имела. Представленная впервые
 въ Веймарѣ 17 декабря 1791 года, она сначала должна была быть
 оперой и балетомъ, если мысленно возврадилъ ея въ первоначаль-
 ному назначенію. Но въ зомъ видѣ, какъ она серъ, какъ драматизиро-
 ваніе публичной пероріи омерелья, она развѣриваетъ не только

„Die Völkungungsmacht“ („Трагидантизм - генералы“, 1793г.)
 довольно плоский, одноактный фарс, в котором цинич-
 ный Шинкер, получивший от аленга Мудра Яко,
 Бинцера звание и косячок генерала народного опол-
 чения - когда ему удается произвести революцию в сво-
 ей деревне - хочет заведовать в приверженцы ре-
 волюции Крессидина Нарзума или, по крайней мере,
 про, поздравляя на его счет во имя свободы, равенства
 и братства. Но это ему не удается, а когда деревенский
 судья хочет наказать его, землевладельцы охраняют
 власть господства, говорят, что „несвоевременная нака-
 зания - корень всего зла. Вь охраня, где государь ни
 от кого не замирается, где весь сословия в Лоронинь
 озноменидь друг к другу, где никто не стесняется
 в своих замязиях, - там не могут образоваться
 никакие парзии. Песа изображает влиятельный фран-
 цузской революции на польских помещиках. На-
 конец

„Die Aufregungsmacht“ (Взбаламуженное, 1793г.). Эта не-
 окончательная песа содержит развитие идеи, что ре-
 волюционная воздаяния (идеи) - ^{предельно} как раз свобода
 несправедливо велика (ср. Разговоры Дюсселя).

В эту группу принадлежат наконец и поэма
 „Reincke Meser“ („Рейнке - Месер“, в двенадцати книжках, в гекзаметрах,
 1793г.). Это по собственным словам Тёре - „ein inr. Stück
Abentheuer“ (безымянная, неслучившаяся еврейская библей), пред-
 ставляющая переработку народного, живого языка „Тёре
 следуют довольно близко оригиналу нидерландской по-
 эмы, но знаешь и изматывалась народной поэзией Якова
 Триппера говорить, что труд Тёре „лишен серьезности,
 в „Reincke Meser“ Тёре внесла современные отношения и эта, не-
 срыва еврейская библей, где, при всеобщей подлости, в борбю эгоизма,
 гекких и интересов чужиха замко ступает, казалась ему чертовой
 картинкой взбаламуженного общества.

проезду и искренности ориентала; без трюков и
сладостей, даме срадания живоизобразитель представилась
во комическомъ видѣ.

Пребываніе въ Италіи и слѣдующее за тѣмъ время
доставили поэту, наконецъ, досугъ, чтобы завершить первое
полное изданіе своихъ сочиненій, которое вышло въ 1787—
1790 годахъ въ восьми томахъ и показало его публикѣ,
поистинно оупицнадушающаго молчанія, болѣе всего частаго
въ новѣйшіхъ образѣхъ. Итальянскія произведенія были здѣсь
по возможности обурданы, самая буйная поросленія
удалены, крайности сдѣланы или усуржены, отъ проу-
вольности африка они отказался. Наибольшія сураниа
были приложены къ „Сраданію Вертера“, котораго
начиналось собраніе: вполнѣ созрѣвшее искусство
наложило на нить классическую позу. Лорда и Мл,
Берга были подняты, но поэтировка еще усилена, все,
дѣло было новѣйшій Эпиграфъ съ кресъянскими парисьями,
который находился въ законѣ еще попоминіи, какъ Вер-
теръ, но убиваетъ своего соперника, и Эго прозвонно,
мозговой порухъ человека съ просвѣтленіи непосредств,
нѣтъ сраданія приключивалъ въ скривой формѣ
легкую прокию надъ сантиментальностью героя. Но
радони ея сурасили, хорошо знакомили вещами, ко,
горой увлекали все итальянскій чужающій миръ, здѣсь
повились совершенно новоя, котора еще должики
были приобрести одобреніе нации. Радони ея повѣдали
къ Фридерикъ и Милл сродни сурожворенія въ гитъ
фронт-Шейнот, радони ея передилаными опережками
„Эрвинъ и Эльмира“ и „Клаудиа фронтъ Вилла Белла“ бы,
ли друидъ, до гитъ поръ еще неизвѣстная, какъ, Гену

ишт Вайтелу; рядомъ съ турками въ сцену Тамса Сакса
были манисамной по Ариерофану, Трици и драма,
финская пьеса, Ториевбо чубевиельской, рядомъ съ
Тейель фонь-Герлихингенъ, Клавуго и „Сжеллой“
подвинуетъ впервые „Эмоури“, „Морисенъ“ и „Тассо“, авт.
Вилель и Фрауези. Правда, Фрауези явилась все еще въ видѣ
озрѣвша; это первая часть Фрауези безъ обилия пролога
и безъ многихъ важныхъ сценъ (напр. безъ сцены
съ гашей яду). Несмотря на эти недостатки поэзия все,
горазденно привозвуживала это первое сравнительно пол-
ное собраніе произведеній величайшаго національ-
наго поэта; масса публики въ это время предпочитала
ему не только Шиллера, но и Гейне съ его романсами
„Ардингелло или Блаженныя острова“. Съ 1790 г. начинаются

III-й периодъ — совмѣстная работа съ Шиллеромъ
до смерти послѣдняго или до выхода въ свѣтъ
1-й части Фрауези вѣроятно въ 1794-1805.

Этотъ III-й периодъ литературнаго зрѣнства Теме
начинается подъ впечатленіемъ его итальянскаго пу-
тешествія. Какъ высоко ни подымаютъ дарованіе Теме,
какъ удивительно ни соединяется у него развитіе направле-
ній его ума: но въ итальянскія, первые годы по возвраще-
ніи изъ Италіи не были благоприятны для его поэти-
ческаго грядущаго. Изученіе искусства и природы силь-
но привлекали его и, казалось, поглощали весь его
душевную силу. Только болѣе удовлетворять его умъ,
свѣтлый и семейный миръ, въ которомъ онъ жилъ,
стало слабѣе была потребность раскрывать свой внутрен-
ній миръ; выходя съ сдержаніемъ, который преида
его наполняли, была оживля и у его поэзии часть воздуха,

начинаются съ сего периода научная
изученія Теме: „Металлы“,
физика, раскритикъ (1797), въ
метаморфозе въ Физикъ,
зачъ въ 1790-1791;
„О науко красоты“ (зачъ
Финляндіи 1790-1810);
изученія по
оптику (зачъ
Оптикѣ 1791, 92).
Онъ описываетъ
и историческая со-
бытія, какъ, какъ,
начина въ Фран-
цузіи 1792 г., „Освѣ-
щеніи“ въ 1793 г.
и др. (X)

козоровича она объективно думала. Къ этому при-
соединилось еще другое обстоятельство. Какъ мы уже
знаемъ въ 1792 и 1793 годахъ Тѣре въ свѣтъ своего сер-
дца принялъ участіе въ походѣ въ Шампаню и въ
осаду Майнца. Это кругозоръ снова расширился, и
разказы, козоровича отъ изысканъ изъ своего дневникова,
олимпиады образцовой каллиграфіею; они содержатъ
всегда ровно то, что отъ сама видѣно, и показываютъ
безошибочную ясность наблюдений, козоровича при-
обрѣтъ въ Итали. Все, что скрывалось во вѣнѣ
военнаго лагеря усиливается его реализма. Все, что
скрывалось еще въ сердцаго и сердцаго въ глубинахъ
его души, грозило погаснуть и исчезнуть.

Тогда дружеская связь съ Шмиллеромъ еще разъ при-
несла ему новую поэтическую вѣсть и снова вызвала
его изъ научнаго склада козрей (Вейнаус), кѣтъ отъ
говорить, въ привольный садъ зимы. Шмиллеръ при-
былъ въ Веймаръ во время пребывания Тѣре въ Итали.
Заране весной 1789 года отъ сдѣлался профессоромъ
въ Зенго, и Тѣре долженъ былъ сдѣлать объ этомъ слу-
жебный докладъ. Но сближеніе нѣтъ еще не прои-
шло: много времени потребовалось Тѣре, чтобы пре-
одолѣть неяркое чужество, козоровича выжили еще
экономскія драмы (и кризиса Тѣревекаго (Зенова))
Шмиллера и козоровича не удерживали, доны Карлоа.
Однако, общія личныя отношенія и журнальскія
дѣятельности Шмиллера наконецъ дозрѣли къ вѣнѣ,
нѣтъ связь, козоровича козоровича быстро развивается въ са-
мую прочную дружбу.

Между тѣмъ какъ Тѣре уже много разъ вѣско.

1) По возвращеніи изъ Итали Тѣре встрѣтился съ Шмиллеромъ
въ Рудольфштадтѣ въ 1788г., но еще, теперь догъ предположенію
періодъ бури и париса, не могли править бури, экономскія
драмы Шмиллера.